

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. П. Козлов

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Анатолий Козлов

Понятие преступления

«Юридический центр»

2004

УДК 343.213.1
ББК 67.408

Козлов А. П.

Понятие преступления / А. П. Козлов — «Юридический центр»,
2004 — (Теория и практика уголовного права и уголовного
процесса)

В данной книге рассматривается понятие преступления. Автор попытался уйти от фикции «состава преступления» и раскрыть преступление, не прибегая к анализу состава. В значительной части работа носит новаторский характер, насколько это возможно применительно к столь широко описанной в теории уголовного права теме. Тем не менее в работе удалось по-новому взглянуть на структуру преступления, с несколько новых позиций посмотреть на причинную связь, на общем уровне установить истинное понимание вменяемости, мотива и мотивационных сфер, их соотношение с виной, найти новые аргументы в пользу оставления общественной опасности в качестве признака преступления, уточнить некоторые вопросы классификации преступлений и т. д. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

УДК 343.213.1
ББК 67.408

© Козлов А. П., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Введение	6
Часть первая	7
Раздел 1	7
Подраздел 1	10
Подраздел 2	15
Раздел 2	20
Подраздел 1	20
Подраздел 2	29
Глава 1	29
Глава 2	32
Глава 3	34
Подраздел 3	42
Глава 1	42
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анатолий Козлов

Понятие преступления

Рецензенты:

***Н. Н. Лукин**, доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент Международной Академии ноосферы*

***А. В. Шеслер**, доктор юридических наук, профессор*

© А. П. Козлов, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

Введение

Предыдущая научная деятельность в очередной раз убедила автора в том, что нельзя исследователю узкой прикладной темы пускаться в плавание «без руля и без ветрил», не имея перед собой чего-то основополагающего, на что можно было бы опереться. Ведь беда в том, что направление исследованию задаем мы сами, любой контекст – это наш контекст, созданный «по образу и подобию». И в этом контексте мы можем дать все, что нам угодно, совершенно невозможные задачи и неприемлемые решения. Разумеется, можно писать и так: «Чурли журчей бурли журчей», «нелюбные губы любилую спаял. Неприлюбный остался». Однако что можно поэту (в данном случае В. Каменскому), не положено ученому, поскольку последний должен мыслить по возможности жестко, понятно для разумного, а не эмоционального читателя, использовать термины, которые помогли бы ему связать прошлые исследования с настоящими и будущими и которые в исторической динамике должны быть едиными, в противном случае, не имея фундаментальной базы, каждый из нас будет писать о своем и на собственном языке (речь идет не о русском, в частности, языке, а о языке Иванова, Петрова, Сидорова) и каждый из нас станет В. Каменским, что, согласитесь, очень далеко от науки.

Именно поэтому каждый исследователь в области прикладной науки должен иметь определенный «фундамент», который был бы «фундаментом» для любого его коллеги. Такими фундаментальными науками общепринято считать философию, формальную логику, психологию и, естественно, язык. Так или иначе, но ни один исследователь прикладной науки без них не обходится. Вместе с тем здесь есть два пути: первый – отталкиваться от традиционных представлений прикладной науки о категориях фундаментальных наук, безотносительно, насколько точно они воспроизводят последние; второй – попытаться самому разобраться в категориях фундаментальных наук, имеющих применение в прикладных, с целью более точного их воспроизведения.

Автор избрал второй путь и для начала предпослал небольшое исследование некоторых положений фундаментальных наук, которые имеют (должны иметь) наиболее широкий выход на категории уголовного права, и в результате неожиданно для себя приобрел новый взгляд на них.

В дальнейшем опора на положения фундаментальных наук помогла автору освободиться от некоторых фикций, существующих в уголовном праве, и прийти к некоторым оригинальным выводам. Так, исключена из исследования преступления надуманная категория «состава преступления», что позволило создать двухзвенную структуру преступления; с несколько иных позиций автор подошел к изучению причинной связи, мотивационных сфер, связи субъективных элементов и т. д. По мнению автора, в итоге получилась интересная, неординарная работа, о достоинствах и недостатках которой судить читателю.

И последнее. Некоторые положения учения о преступлении (казуса, невменяемости и т. д.) в данной книге рассмотрены не были, поскольку при их наличии нет преступления, тогда как нас интересовало именно преступление как таковое.

Часть первая

Фундаментальные науки и уголовное право

Раздел 1

Формальная логика и уголовное право

Уголовное право как прикладная наука не может существовать самостоятельно без связи с теми фундаментальными науками, которые разрабатывают общую методологию бытия, сознания, процесса мышления и его закрепления в том или ином материале. На этом фоне огромное значение имеет философия, что всегда признавалось в теории уголовного права. Так, еще в XIX в. А. Ф. Бернер писал: «Исходная точка и фундамент каждой специальной науки кроются в философии. Уклоняться от философии значит строить на воздухе и начинать излагать науку без всякого принципа, значит отречься совершенно от характера научности. Конечно, и философия не есть нечто законченное и безусловно установившееся».¹ Однако признавать данный факт и следовать ему непреложно – это разные вещи. К сожалению, довольно часто наука уголовного права игнорирует положения философии то ли в силу авторских амбиций, то ли в силу нежелания связывать свои выводы с чем-то фундаментальным, то ли из-за размытости самих философских представлений о тех или иных категориях.

Здесь мы говорим о философии в широком смысле, понимая, что из нее выделены формальная логика и психология (общая и социальная). На этом фоне ни одно положение уголовного права как прикладной науки не должно проходить мимо философии (говорим ли мы о реальном бытии норм, или о преступном поведении, или о внутреннем мире преступника, или о наказании и его целях и т. д.). Чтобы не впасть в ошибку несоответствия прикладной науки и философии в ее широком понимании, я полагаю важным самому разобраться в некоторых сложных вопросах собственно философии, формальной логики и психологии. При этом основной упор сделан на двух последних как на наиболее сложных или нарушаемых в теории уголовного права, иные же вопросы философии, коль скоро они понадобятся для рассмотрения тех или иных категорий уголовного права (например, причинной связи), будут рассмотрены по ходу уголовно-правового анализа.

Уголовное право, как и любая другая отрасль науки, имеет свое значение и социальный смысл лишь тогда, когда оно не замыкается в себе, не «работает» только на себя. «Человеческое познание... может оставаться научным только при условии, что оно постоянно направлено на применение теории ко всем конкретным, особенным и даже уникальным сторонам действительности изучаемого предмета».² Следовательно, уголовное право может признаваться истинной наукой только тогда, когда оно будет адекватно отражать действительность и предлагать такие инструменты, которые бы реально помогали законодательной и правоприменительной практике. Пока об этом приходится только мечтать. Постоянно из уст практических работников выпускники юридических вузов слышат одно и то же: «Забудьте, чему вас учили; у нас все не так»; часто со страниц газет и экранов телевизоров раздаются упреки в адрес ученых-юристов по поводу их оторванности от практики. Все это имеет место не только из-за голословного отрицания некоторыми практиками (что, конечно же, существует) важности научных исследований (каждому судье хотелось бы быть единственным глашатаем истины), но главным образом из-за того, что каждый ученый стремится высказать оригинальную теорию, часто против-

¹ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1865. С. 3.

² Быстрицкий Е. К. Научное познание и проблема понимания. Киев, 1986. С. 47.

речащую иным существующим теориям, а иногда здравой логике. Например, классификация форм соучастия, произведенная А. А. Пионтковским, признается Ф. Г. Бурчаком – в плане логическом – безупречной, и тем не менее он создает классификацию форм соучастия абсолютно логически невыдержанную, малоприемлемую с точки зрения истинно научных и практических подходов³ вместо того, чтобы развить и подправить логически безупречную, по его же мнению, позицию А. А. Пионтковского. То же самое происходит и с проблемами единичного преступления и их множественности, на которых мы еще остановимся. Вполне естественно, что практика не может, да и не имеет права воспринимать в своей деятельности взаимоисключающие теории. Отсюда и негативное отношение практиков к теории вообще.

Думается, аксиоматично, что наука уголовного права может быть принята практикой только тогда, когда она: а) будет адекватно отражать действительность; б) реально прогнозировать будущее; в) соответствовать диалектике развития уголовно-правовых явлений и истории науки; г) отвечать правилам формальной логики.

Таким образом, главная проблема науки уголовного права заключается в правильном представлении о действительном положении вещей. При этом желательно максимально возможное исключение уголовно-правовых условностей и идеологических наслоений. Вполне оправданно возникают те или иные трудности при отражении действительности в научных понятиях. Эти трудности можно преодолеть, если соблюдать определенные правила. К сожалению, наша наука уголовного права, во многом идеологизированная, все больше и больше отказывается от формальной логики в пользу политических требований. Противники применения категорий формальной логики в праве, в том числе уголовном, были всегда. Еще А. Жиряев отмечал: «Логическая правильность какого-либо разделения еще не может служить ручательством в том, что оно необходимо или по крайней мере полезно в науке... Наше разделение основывается не на одной только логической правильности, но и на практической необходимости, то есть оно требуется самой идеей уголовного правосудия».⁴ Несколько позже Н. Колоколов по этому поводу писал: «Надо отказаться от попыток найти руководящее начало по данному вопросу (дифференциации видов умысла. – А. К.) путем формально-логического метода, которым руководствовались немецкие ученые, и перенести его разрешение на почву опытной психологии».⁵ По мнению С. П. Мокринского, пытавшегося «перекинуть мост от догмы к политике», «не надо забывать, что право нелогично по самой природе своей, что оно рождается и вырастает на почве компромисса... Наряду с формально-логической обработкой законодательного материала должно быть предпринято политическое изучение предположений репрессии»,⁶ словно политика – абсолютно нелогичная вещь. Вполне понятно такое прохладное отношение к формальной логике. В науке уголовного права, которая довольно часто говорит обо всем и ни о чем, в которой каждый может высказывать свои идеи по собственному усмотрению, формальная логика – только помеха. Однако если мы не собираемся спорить столетиями по одному и тому же вопросу и хотим достичь каких-то существенных результатов в науке и практике, нужно поставить научного работника в жесткие рамки соблюдения правил формальной логики, что не позволит ему «растекаться мыслию по древу». В приведенных высказываниях абсолютно не оправданно противопоставление формальной логики и практической необходимости, поскольку практике нужны как можно более точные, ясные понятия, определения, классификации, которые может дать только формальная логика. «Устранение из системы криминализации деяния всякого рода недомолвок, двусмысленных положений, повторов и других подобных недочетов исключает возможность произвольного толкования призна-

³ Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 62, 66.

⁴ Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 20.

⁵ Колоколов Г. Уголовное право. Общая часть. М., 1905. С. 251.

⁶ Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. Томск; Москва, 1905. С. 302–303.

ков составов преступлений, а следовательно, создает и более широкие возможности для дальнейшего упрочения принципа законности в рассматриваемой сфере». ⁷ И уж совсем непонятно противопоставление формальной логики и психологии, каждая из которых должна находиться в прикладном исследовании на своем месте.

Еще Екатерина II указывала, что нужно исходить из буквы закона, формально подходить к нему: «Нет ничего опаснее, как общее сие изречение: надлежит в рассуждение брать смысл или разум законов, а не слова. Сие ничто иное значит, как сломить преграду, противящуюся стремительному людских мнений течению», ⁸ т. е. одной из своих задач императрица считала необходимость возведения преград против толкования закона не по букве, а по духу, против «отсебятины» в толковании. Отсюда толкование буквы закона как формального признака должно в существенной части исходить из формальной логики, имея направление, выработанное духом закона. «Современной прогрессивной юриспруденции все более свойствен диалектический подход к рассмотрению правовых явлений. Диалектический подход не отрицает, а предполагает изучение права и с позиций формальной логики, но формальная логика вступает в свои права тогда, когда правовая норма, институт насыщаются социальным содержанием и выполняют важнейшие функции определителя правильного объема выработанного понятия». ⁹

Ясно, что следование только правилам формальной логики без учета диалектики развития явления и истории науки приводило и может привести к опасным заблуждениям, ¹⁰ тем не менее отбрасывать и изгонять логический анализ из науки неоправданно, поскольку «в некоторых случаях может оказаться полезным выразить это представление с помощью средств символической логики. Выражение проблемы в формальном языке придает ей точность и определенную ясность, что иногда может облегчать поиски ее решения». ¹¹ Здесь А. П. Никифоров прав, но не точен: не иногда, а *всегда* формально-логический анализ должен соседствовать с диалектикой развития явления и историей науки, поскольку даже обычное научное действие – определение понятия, само по себе уже формальнологическая категория, то же самое касается и классификации. Поскольку наука уголовного права никогда не обходится без определения понятий и классификации, постольку мы всегда должны исходить из правил формальной логики, хотя и не только из них.

Достаточно точно отразил необходимость исходить из фундаментальных наук в уголовно-правовых исследованиях В. К. Жеребкин: «В сфере права логическое предшествует юридическому, существование последнего объясняется во многих случаях исключительно логической основой. Юридическое логически детерминировано». ¹² Хотя в конце работы он попытался обосновать определенную специфику правовых понятий и их внелогические особенности, ¹³ однако данные попытки вряд ли приемлемы и мало убедительны. Все выделенные автором особенности понятий права в целом можно соотнести с понятиями иных отраслей науки, распространить на них и доказать их внелогические особенности. Тем не менее при этом В. К. Жеребкин вынужден признать, что «логико-гносеологический процесс формирования и выработки понятий *не дополняется какой-либо внелогической, социальной процедурой* (курсив мой. – А. К.)», ¹⁴ т. е. если и существуют какие-то внелогические особенности правовых понятий, то и они действуют в рамках логических правил. Трудно сказать, как все это понимать.

⁷ Панченко П. Н. Советская уголовная политика. Томск, 1988. С. 125.

⁸ Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. Ст. 153.

⁹ Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 22.

¹⁰ Никифоров А. П. От формальной логики к истории науки. М., 1983. С. 45 и др.

¹¹ Там же. С. 44–45.

¹² Жеребкин В. К. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 11.

¹³ Там же. С. 139–147.

¹⁴ Там же. С. 140.

Если диалектика развития уголовно-правовых явлений и история науки как-то представлены в работах отдельных авторов, хотя бы с 1917 г., а изредка и более глубоко исторически,¹⁵ то правила формальной логики в целом не находят места даже в тех немногих случаях, когда авторы о них упоминают, но сами им не подчиняются. Например, К. А. Панько раскрывает правила классификации и тем не менее выделяет неоднократность, систематичность, промысел, реальную совокупность как одноуровневые, самостоятельные разновидности повторности,¹⁶ не задаваясь вопросом, действительно ли они одноуровневые и самостоятельные разновидности; не может ли реальная совокупность выступать в виде неоднократности, систематичности, промысла, и, естественно, не отвечая на него.

На этом фоне возникает масса сложных вопросов по решению проблем единичного преступления и их множественности. Думается, одной из основных проблем в этом плане является то, что в теории уголовного права до сих пор не решено, с чем она сталкивается, когда идет речь о единичных или о множественных преступлениях: либо с совершенным конкретным лицом конкретным преступлением, либо с видом преступления, отраженным в диспозиции нормы Особенной части. Отсутствие такого решения приводит ко множеству неудач при рассмотрении вопросов классификации. Например, В. П. Малков выделяет в качестве единичных, наряду с другими, продолжаемые преступления и преступления с альтернативными действиями как разновидности сложных единичных преступлений и вместе с тем указывает, что последние нередко «носят продолжаемый характер»,¹⁷ попросту говоря, являются продолжаемыми преступлениями. Дифференциация продолжаемых и альтернативных преступлений в отдельные классы подчеркивает их самостоятельность, обособленность друг от друга, а признание альтернативных продолжаемыми исключает их обособленность. Разумеется, здесь прежде всего нарушены правила формальной логики, но нарушения эти базируются именно на том, что диспозиция таких преступлений по объему шире конкретных преступлений. Вот это различие в объемах и не учитывается в теории уголовного права.

Фактически не решен вопрос о месте тех видов преступлений, которые фиксируют множественность, но выступают в законе в виде одной нормы, т. е. схожи с единичным преступлением.

И последнее. По вопросам единичного преступления и множественности преступлений в теории есть много точек зрения, иногда взаимоисключающих. В этом потоке позиций студентам, научным работникам, практикам очень сложно разобраться. Однако у всех этих точек зрения общий изъян: они страдают односторонностью подхода – излишним стремлением опереться на преступление только как на объективную категорию.

Сказанное подтолкнуло автора к решению указанных проблем, а также поиску приемлемых позиций.

Подраздел 1

Понятие и его определение

Законы формальной логики необходимы для любого научного исследования. Они помогают более четко мыслить, отобрать существенное и несущественное и, главное, являются инструментом общения между людьми, поскольку жесткие логические структуры, осознаваемые каждым одинаково, позволяют понять друг друга, найти точки соприкосновения в обще-

¹⁵ См., напр.: *Кульчар К.* Основы социологии права. М., 1981; *Спиридонов Л. И.* Социология уголовного права. М., 1986; *Карманьего.* Юридическая социология. М., 1986; *Марцев А. И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990; *Бытко Ю. И.* Понятие рецидива преступления. Саратов, 1978, и др.

¹⁶ *Панько К. А.* Вопросы общей теории рецидива в СУП. Воронеж, 1988.

¹⁷ *Малков В. П.* Совокупность преступлений. Казань, 1974. С. 112.

нии. Без формальной логики мы можем получить диалог слепого с глухонемым, диалог без стержня.

Основная логическая категория – понятие. Разработка ясного, четкого, недвусмысленного понятийного аппарата, по существу, становится одной из главных задач любой отрасли науки, в том числе и науки уголовного права.

Понятие – «1) (филос.) форма мышления, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений...; 2) в логике – мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам».¹⁸ Здесь мы видим, что объединяются философское и логическое определения понятия. Мало того, иногда и в логике понятие представляется как форма мышления.¹⁹ С другой стороны, и в философии понятием иногда признается мысль, а не форма мышления.²⁰ В целом в логике понятие определено как «мысль, в которой обобщены в класс и выделены предметы по системе признаков, общих для этих предметов и отличающих их от других предметов».²¹ Думается, именно такой подход является единственно верным и оправданным, в противном случае трудно объяснить то противоречие, что формы и законы мышления изучаются логикой,²² тогда как форма мышления – понятие – признается высшей категорией философии.

В понятии отражены свойства, связи, отношения предметов и явлений познания, но не все, а только существенные, позволяющие отграничить указанный предмет от других. Поиск существенных признаков – дело конкретного случая, важно при этом отметить, что если признак, его свойство и т. д. повторены в нескольких предметах или явлениях, они не могут быть признаны существенными и составлять содержание конкретного понятия. «Содержание понятия – это система признаков, на основе которой осуществлено обобщение и выделение предметов в понятие».²³ Поскольку содержание позволяет выделить отдельные предметы, постольку лишь существенные свойства, связи, отношения могут создавать понятие.

Очень важно установление объема понятия, т. е. совокупности «предметов, которая мыслится в понятии»,²⁴ множества «предметов, обобщаемых и выделяемых в понятии».²⁵ Объем позволяет исследователю разобраться в видах понятия и четко классифицировать предметы, входящие в понятие. Это касается и совместимых понятий, когда объемы их частично или полностью совпадают, и несовместимых, когда не имеется общих элементов объема понятий.

В целом уголовное право имеет дело с совместимыми понятиями; с несовместимыми – крайне редко (преступление и посягательство при необходимой обороне или крайней необходимости и др.). Поэтому подробнее остановимся на первых. Совместимые понятия соотносятся друг с другом в трех вариантах:

1) соотношения равнозначности, когда понятия полностью совпадают друг с другом основными своими признаками (типичными, существенными) (рис. 1);

¹⁸ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1051.

¹⁹ Логика. М., 1961. С. 22.

²⁰ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 513, и др.

²¹ Ивлев Ю. В. Логика. М., 1992. С. 137.

²² Советский энциклопедический словарь. С. 860.

²³ Ивлев Ю. В. Указ. соч. С. 140.

²⁴ Логика. С. 27.

²⁵ Ивлев Ю. В. Указ. соч. С. 141.

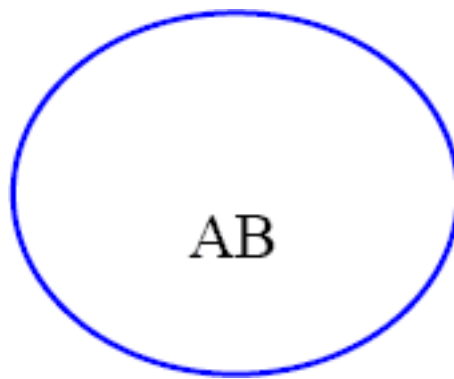

Рис. 1

2) соотношения пересечения, когда понятия совпадают между собой частью признаков, другая часть признаков в каждом понятии самостоятельна (рис. 2);

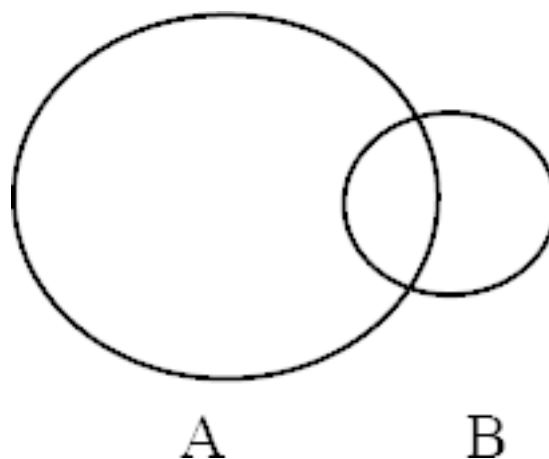

Рис. 2

3) соотношения подчинения, когда понятия соотносятся как целое и часть, при этом все существенные признаки одного понятия являются лишь частью признаков другого (рис. 3).

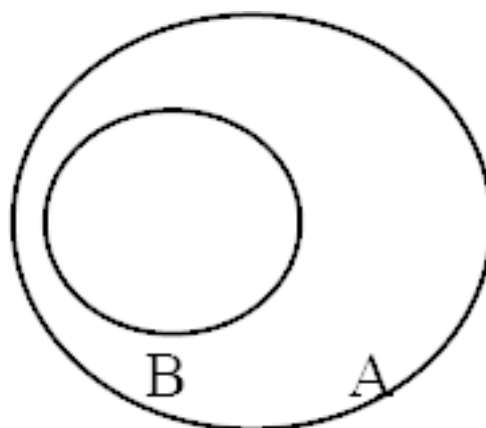

Рис. 3

Существенность свойств, признаков явления может носить различный характер в зависимости от целей и задач исследования и его приемов. Например, при анализе существенными будут признаваться те свойства, которые помогают обособить класс от класса, являются специ-

фичными для каждого класса отдельно, а при синтезе существенными должны быть признаны только те, которые объединяют различные предметы в один класс. При этом существенные для анализа, естественно, будут несущественными для синтеза, и наоборот.

В этом плане совершенно обоснованно подвергается критике мнение А. Д. Горбуза о том, что только тождество проявляется в существенных признаках, а различие – в признаках втростепенных.²⁶

Понятия в их системе могут выступать на различных уровнях. Так, В. Кнапп, А. Герлох предлагают выделять классы первого, второго и более высокого порядка.²⁷ По существу, это чисто логические разновидности понятия. В правовой литературе, например, предлагается выделять понятия «институты права» также на различных уровнях: генеральные институты, институты, субинституты и подсубинституты – на основании степени их общности.²⁸ Л. Н. Кривоченко предлагает выделять уголовно-правовые *категории* применительно к классификации преступлений.²⁹ Более точной представляется последняя позиция, поскольку категории – «наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания»,³⁰ по крайней мере, это более соответствует выделенным В. П. Малковым генеральным институтам: вне всякого сомнения, понятия «уголовный закон», «преступление», «наказание» – это предельно общие, фундаментальные понятия уголовного права, т. е. категории права. В то же время в уголовном праве, да и в праве вообще, традиционно сложилось понятие «*институт права*», хотя вот этой всеобщности, фундаментальности в нем не выделено.³¹ Представляется, что все указанные понятия имеют место и в уголовном праве: на различных уровнях общности располагаются категории, институты, виды уголовно-правовых понятий. Особенно важно это терминологическое и сущностное размежевание при выделении уголовно-правовых понятий Общей и Особенной частей уголовного права. Например, категории преступлений выделяются в Общей части (особо тяжкие, тяжкие и т. д.) и конкретизируются в Особенной части (кража, хулиганство и т. д.). Для того чтобы в подобных случаях не было терминологического смешения, лучше в конкретных ситуациях относительно понятий Общей части применять термин «институт», а Особенной части – «вид», что, впрочем, не исключает применения термина «вид» и относительно некоторых понятий Общей части уголовного права, когда подобное не входит в противоречие с понятиями Особенной части, и наоборот. В тех условиях, когда в исследовании не будет хватать трехуровневого деления понятий, нельзя исключить и применения терминов «подинститут», «подвид».

Любое понятие, кроме абсолютно очевидных, требует своего определения, что представляет собой логическую операцию, раскрывающую содержание понятия³² и заключающуюся «в придании точного смысла языковому выражению, которая позволяет, когда это требуется, выделить или уточнить значение этого выражения».³³ Несмотря на кажущееся различие, в данных определениях речь идет об одном и том же: определение – это обобщенное толкование понятия. При этом определение решает задачу «выделить систему признаков, общую и отличительную для предметов, обозначаемых термином».³⁴ Разумеется, здесь речь идет о системе

²⁶ Наумов А. В., Новиченко А. С. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978. С. 17.

²⁷ Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. М., 1987. С. 148–149.

²⁸ Малков В. К. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С. 140.

²⁹ Кривоченко Л. Н. Классификация преступлений, Харьков, 1983. С. 55.

³⁰ Советский энциклопедический словарь. С. 564; Философский энциклопедический словарь. С. 251.

³¹ Советский энциклопедический словарь. С. 499.

³² Логика. С. 40.

³³ Ивлев Ю. В. Указ. соч. С. 166.

³⁴ Там же.

существенных признаков: общих, необходимых для синтеза, и специфических, необходимых для анализа.

Логика выделяет виды определения, из которых для нас пока более значимы номинальные и реальные определения. «Номинальные – это соглашения относительно смысла вновь вводимого языкового выражения... Реальные определения, когда придается точный смысл выражениям, значения которых с большей или меньшей степенью определенности уже известны». ³⁵ Из сказанного следует, что номинальные определения достигаются только путем соглашения теоретиков, они не могут быть истинными или ложными, тогда как реальные могут быть истинными или ложными. ³⁶

В формальной логике сформулированы правила определения и названы ошибки, которые имеют место при их нарушении.

1. Определение должно быть соразмерным, т. е. объемы определяющего и определяемого выражений должны совпадать. Это правило предельно очевидно: количество и значение признаков в их совокупности, входящих в определение, должны полностью соответствовать объему и значению понятия. Возможные нарушения данного правила: а) *слишком широкое определение*, когда определяющее по объему выходит за границы определяемого. В таком случае в определении будут указаны признаки, излишние для понятия; б) *слишком узкое определение*, когда определяющее понятие по объему меньше определяемого, не достигает его границ. При этом определение не будет полностью характеризовать понятие; в) *перекрещивающееся определение*, когда определяющее и определяемое понятия пересекаются; г) *определение «как попало»*, когда полностью не совпадают определяемое и определяющее понятия. Из всех указанных нарушений правил определения в теории уголовного права практически не встречаются нарушения последнего и чрезвычайно редки нарушения предпоследних видов. Более распространены, на наш взгляд, первые два.

2. Определение не должно заключать в себе круг; нарушение данного правила – *круг в определении*, разновидностью которого является определение *idem per idem*. Нарушения такого рода не столь редки в уголовном праве. Взять хотя бы законодательное определение организатора как вида соучастника: организатор – лицо, организовавшее преступление (ч. 3 ст. 33 УК РФ), т. е. даже отточенные законодательные формулировки не лишены подчас нарушений правил формальной логики.

3. Определение должно быть ясным, иначе говоря, должны быть известны и очевидны смыслы и значения терминов, входящих в определяющее, в него нельзя включать термины, требующие дополнительного толкования. Ошибка при этом – *неясное определение*. К сожалению, в теории уголовного права довольно широко представлено нарушение этого правила, когда авторы приводят определение понятия и здесь же в скобках дают толкование свойства, указанного в определении. Возникает естественное недоумение: если второй из синонимов более понятен, нежели первый, который требует дополнительного толкования, то почему второй сразу не применить в определении.

4. Не следует принимать номинальные определения за реальные. ³⁷

5. Нельзя определять понятие через признаки, противоречащие друг другу, иначе возникает ошибка, которую можно назвать «применение взаимоисключающих признаков».

³⁵ Ивлев Ю. В. Указ. соч. С. 169.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 173–175.

Подраздел 2

Классификация как разновидность деления понятий

Для того чтобы лучше раскрыть объем понятия, в логике применяют операцию деления понятия на определенные группы (классы). Деление понятия – «логическая операция, раскрывающая объем понятия».³⁸ При этом само понятие называют делимым, а полученные при делении группы – членами деления.

Деление производят всегда по какому-либо основанию, которое представляет собой определенную характеристику явления. Основание деления должно быть ясным, четким, понятным, желательно однозначно понимаемым. Некоторые специалисты в области формальной логики не рекомендуют делить понятия по основанию, которое может быть воспринято и понято по-своему разными людьми: например, делить книги на интересные и неинтересные, города на большие и маленькие и т. д.³⁹ Думается, авторы учебного пособия «Логика» не совсем правы, поскольку иногда и деление по неопределенному основанию может иметь практическое значение (например, деление книг на интересные и неинтересные при анкетировании или опросе населения может дать желаемый для издателя книг и книжной торговли результат – что считает интересным основная масса населения, отсюда и характеристика книг, которых нужно больше производить). Хотя в принципе лучше избегать деления понятий по неопределенным основаниям, по крайней мере, при отсутствии явно выраженного практического значения.

Характер деления понятий зависит от видов деления, а они бывают *таксономические* и *мереологические*. Под таксономическим понимают «выделение в объеме понятия подклассов, являющихся объемами новых видовых по отношению к исходному понятию с точки зрения определенной характеристики, называемой основанием деления». Мереологическое – деление целого на части (стол – это крышка, основание для крышки и крепления ножек, ножки).⁴⁰ Последние иногда в логике отрицают: «Деление понятий не нужно смешивать с мысленным расчленением целого на части».⁴¹ Думается, что данная точка зрения не верна. Скорее всего, здесь нельзя говорить о классификации явления (хотя и этот подход спорный, поскольку в таких случаях, например, можно говорить о классификации строительных деталей, конструкций какого-либо предмета), но деление понятия, конечно же, имеет место. Не случайно несколько позже появилась такая разновидность, как мереологическое деление.

По существу, основа понятия всегда одинакова, поскольку понятие – совокупность свойств, признаков, отношений, связей и т. д., т. е. ее мы могли бы представить как $A + b + v + z$ и т. д., где A – основание деления, свойственное всем подклассам; b , v , z и т. д. – признаки понятия, свойственные отдельным классам. Однако деление классов будет различным при наличии разных видов деления. Так, при таксономическом делении к основному видовому признаку (основанию деления) присоединяется другой признак из тех, которые характеризуют понятие: первый класс – $A + b$; второй класс – $A + v$; третий класс – $A + z$ и т. д., т. е. мы должны помнить, что в данной ситуации имеем дело с классификацией, при которой должны быть указаны как общие признаки (нужные для возможного синтеза), так и отличительные, необходимые для анализа. При мереологическом делении, похоже, нет необходимости находить общий признак, поскольку в данной ситуации нет смысла говорить о будущем синтезе, речь идет лишь о возможном или реальном сложении частей в целом (не случайно толковые словари выделяют

³⁸ Логика. С. 48.

³⁹ Там же. С. 49.

⁴⁰ Ивлев Ю. В. Указ. соч. С. 178–180.

⁴¹ Логика. С. 49.

в самостоятельные категории анализ и вычитание, синтез и сложение) и деление представляет собой несколько иную картину: первый вид – *б*; второй вид – *в*; третий вид – *г* и т. д.

В логике выделены некоторые свойства классификации: а) классификацию производят на базе существенного для решения теоретических или практических задач признака; б) при классификации нужно распределить предметы по группам так, чтобы по месту в классификации можно было судить об их свойствах; в) «результаты классификации представляются или, по крайней мере, могут быть представлены в виде таблиц или схем».⁴²

Вместе с тем в логике установлены и правила классификации (деления) понятий.

1. Деление должно производиться только по одному основанию. На протяжении всего деления на одном уровне в качестве основания должен сохраняться один признак. Вполне естественно, что с изменением уровня классификации (выделение подвидов какого-либо вида) изменится и основание деления, которое также должно оставаться единственным на этом уровне.

При нарушении данного правила, когда деление на одном уровне производится по нескольким основаниям, возникает ошибка – «*сбивчивое деление*».

2. Деление должно быть соразмерным, объем членов деления должен быть равен в своей сумме объему делимого понятия. Это правило требует, чтобы «ни один из членов деления не был пропущен».⁴³

Возможные ошибки деления: а) «*неполное деление*», когда объем членов деления в совокупности составляет лишь часть объема делимого понятия; б) «*деление с излишними членами*», когда в число членов деления включаются понятия, не входящие в объем делимого либо совпадающие по видовому признаку класса с другими классами.

3. Члены деления должны исключать друг друга, т. е. в любой классификации класс А не есть класс Б, класс Б не есть класс В и т. д. Разумеется, речь идет о разграничении по отличительному, сущностному для их выделения признаку, ведь по основанию деления они совпадают. Несоблюдение указанного правила ведет к разновидности ошибки «*деление с излишними членами*», при котором сущностные признаки нескольких классов или подклассов будут совпадать.

4. Деление должно быть непрерывным, т. е. от родового понятия следует переходить к видовым понятиям одного и того же уровня.

При нарушении данного правила, когда в деление более высокого уровня включаются члены деления более низкого уровня, возникает ошибка – «*скачок в делении*».

Кроме этих четырех общепризнанных формально-логических правил классификации понятий можно установить еще два. *Первое* заключается в том, что при определении понятия, выделенного в класс, необходимо исходить из общих и специальных существенных признаков. Поскольку общие существенные признаки уже употреблены при определении делимого понятия, нет необходимости в их повторении при определении понятий каждого из выделенных классов. Поэтому на видовом уровне относительно каждого класса должны быть применены только те существенные признаки, которые свойственны лишь явлению-классу и помогают отграничить его от смежных с ним явлений-классов. *Второе* заключается в следующем: при сопоставлении различных классов мы имеем право сравнивать только классы одного уровня: либо классы между собой, либо подклассы между собой, либо субподклассы между собой. Ни в коем случае нельзя сравнивать подкласс с классом, субподкласс с подклассом и т. д. Это можно продемонстрировать на таком примере: курица все-таки является разновидностью птиц, но чем же отличается курица от птицы? Можно ли поставить вопрос: «Чем отличается береза от дерева?» Вопрос выглядит несуразным, таким же будет и ответ на него. Членов деления

⁴² Ивлев Ю. В. Указ. соч. С. 182–183.

⁴³ Там же.

нельзя сравнивать с делимым понятием, поскольку в последнем имеются *все* признаки, свойства, связи, отношения, характерные для первых (соразмерность деления). Нарушение данного правила можно назвать ошибкой – *«разноуровневое сравнение»*.

И в логике, и в теории уголовного права бытует мнение об относительности классификаций, либо в силу огрубления явлений при них и в силу развития явления во времени и пространстве,⁴⁴ либо в силу развития общественных отношений, науки, в силу углубления знаний о предмете.⁴⁵ Думается, более точно представление последних, поскольку понятие, его определение и деление (классификация) суть мысль, т. е. субъективная категория, отраженная в конечном счете в науке и, естественно, отражающая развитие самого явления, поэтому главным для классификации остается знание о развитии явления, о развитии отношений науки. Однако более высокая точность еще не свидетельствует об истинности указанного суждения по поводу относительности классификаций.

Беда не в том, признаем мы или нет относительность классификации. Дело в другом. Скорее всего, рассуждения об условности, относительности классификации сказываются на научных теориях, поскольку нетрудно понять логику последних исследований: мир несовершенен, развивается, поэтому любая классификация, даже противоречащая формально-логическим правилам, в таких ситуациях годится. Не случайно по многим спорным вопросам уголовного права существует масса различных точек зрения, в том числе и взаимоисключающих.

В действительности мир совершенен. Ведь нет ничего относительного в классификации копытных животных на парнокопытных и непарнокопытных. Пример с периодической системой Д. И. Менделеева показывает, что можно классифицировать даже предметы, которые еще никто не видел, но они, хотя и непознанные, реально существуют. Разумеется, здесь речь идет о физических явлениях, которые достаточно стабильны во времени и пространстве. В отличие от них, согласно господствующей точке зрения, социальные явления более подвижны и постоянно развиваются, что требует постоянного совершенствования знания о них. Нам представляется это ошибочным. Да, действительно, если раньше нужно было использовать для связи гонца или голубя, то сейчас достаточно нажать кнопку компьютера и можно связаться с любым абонентом в любой точке Земли, естественно, если там есть Интернет. Да, люди живут во все более и более комфортных условиях. Но при чем здесь общественные отношения, которые никогда не изменяются? Все решает простейшее – человек человеку волк или друг, а окружающее техническое оснащение работает на один из этих выборов. Так было десятки тысяч лет тому назад, так все решается и сейчас. Ведь даже космические корабли сегодня выводятся на орбиту не столько для решения космических проблем (хотя и в этом плане в них закладывается оснащение для встречи «враг – друг»), а в большей степени для некоторого технического улучшения жизни на Земле, для контроля за ее развитием, для манипуляции сознанием населения Земли или его избранной части – то же самое оснащение ситуации «враг – друг». Именно поэтому, думается, вполне можно прогнозировать, как это делается в естественных науках, и социальные явления с соответствующей их классификацией. Ну разве трудно было предугадать при нынешних реформах в России деление всего населения на супербогатых, богатых, средний слой, бедных и сверхбедных и что основная часть населения будет бедной и сверхбедной? Все мы материалисты (были!) и должны понимать, что при переходе к капитализму с появлением богатых и сверхбогатых людей эти богатства не могут быть взяты из воздуха (нечто из ничего не выходит и в ничто не превращается), их берут либо у государства, превращая его в нищее, либо у населения, превращая в нищее его, либо то и другое вместе (разумеется, есть и другие пути, но ими быстро богатства не займешь). Вот это мы и получили при незначительном числе сверхбогатых людей. Не думаю, что Е. Гайдар, А. Чубайс или Б. Ельцин не понимали

⁴⁴ Там же. С. 184.

⁴⁵ Кривоченко Л. Н. Указ. соч. С. 16; Малков В. П. Совокупность преступлений. С. 91; и др.

данного факта и соответствующей дифференциации по доходам (классификации) населения. Поэтому нам представляется, что классификация социальных явлений в ее прогнозировании, а не только в реальном бытии вполне возможна, если она будет объективной, не политизированной.

Ничего в социальной жизни не меняется. Подтверждением этому служит то, что и в уголовном праве определенная группа явлений остается стабильной. Например, кража, изнасилование, убийство во все времена были таковыми; естественно, они могли пониматься по-разному, различным образом оформляться в законодательстве, но это свидетельствует лишь о степени их познания и об отношении к ним, а фактически они были всегда. Да, право шумеров и наше право отличаются во многом, но не потому, что социальный мир изменился, а лишь в силу того, что государство все более и более старается контролировать и регулировать жизнь населения, т. е. те стороны жизни, которые были безразличны для государства шумеров, становятся сегодня важными для современного государства, попадают в сферу его влияния, тогда как сами социальные отношения не изменились. Отсюда нет ничего относительного в классификации трех основных категорий науки уголовного права: учения об уголовном законе, учения о преступлении и учения о наказании. Нет ничего относительного в классификации особенностей действия уголовного закона во времени и в пространстве, в зависимости от гражданства (в отношении граждан России, лиц без гражданства, иностранцев). Этот перечень безусловных классификаций социальных явлений можно продолжить. Однако уже ясно: даже если мы признаем, что социальные явления более подвержены развитию, то и в этом случае по мере познания какие-то из них становятся аксиоматичными и могут быть безусловно классифицированы; другие же остаются в какой-то части непознанными и подлежат условной классификации, хотя и здесь, в случае надлежащего прогнозирования, вполне возможна перспективная безусловная классификация. Таким образом, условность классификации напрямую связана с несовершенством нашего знания о предмете изучения. Усвоение данного факта выдвигает на первое место требование углубленного познания социального явления с позиций материальной и формальной логики. Даже если мы признаем какую-либо классификацию условной, то и в данном случае мы не имеем права при ее создании нарушать формально-логические правила деления понятий.

И последнее. Любое проводимое исследование должно быть относительно истинным и верным. «Обсуждения дискуссионных вопросов в практических делах, как и научные рассуждения, приводят к истинным результатам, если они проводятся с соблюдением рациональных приемов и правил аргументации».⁴⁶ Этих правил доказывания и опровержения, выработки выводов и гипотез формальная логика знает довольно много. По ходу дальнейшего анализа уголовно-правовых явлений мы их будем применять и отдельно на них указывать. Здесь же нам представляется особенно важным пока отметить главное правило: любое исследование должно быть полным и объективным, именно поэтому формальная логика выдвигает *принцип объективности исследования*. Казалось бы, зачем упоминать об очевидных вещах. Увы, к сожалению, приходится говорить и о них.

Ярким примером «нового» типа исследований является работа М. Н. Становского,⁴⁷ в которой автор умудрился выбросить из исследования целый научный пласт, оказавшийся для него малопривлекательным; целую научную школу, посвященную уменьшению произвола суда, максимально возможной формализации правил назначения наказания; научную школу, идеи которой были закреплены еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, были продолжены в теории уголовного права Н. С. Таганцевым, А. Красовским, А. Н. Трайниным, Н. Д. Оранжиреевым, Н. Ф. Кузнецовой, Б.

⁴⁶ Кириллов В. И., Старченко А. А. Указ. соч. С. 231.

⁴⁷ Становский М. Н. Назначение наказания. СПб., 1999.

А. Куриновым, Г. А. Левицким, В. П. Нажимовым, Н. В. Радутной, А. Тамашем, Л. Л. Кругликовым, Д. О. Хан-Магомедовым, В. Л. Чубаревым и др.; научную школу, идеи которой все более овладевают законодателем, особенно очевидно это применительно к новому Уголовному кодексу. Именно поэтому новые инициативы законодателя в анализируемой работе оказались без надлежащего теоретического обоснования. Выбросив целый научный пласт, М. Н. Становский надеется, «что изложенные в нем (пособии. – А. К.) взгляды на проблемы применения наказания могут оказать определенную помощь в *правильном формировании судебной практики* (курсив мой. – А. К.)», т. е. и в будущем сохранится судебный произвол.

Если бы М. Н. Становский признавал формальную логику, он бы понял, что применяемая им тактика исследования непозволительна, а выводы его ложны. К сожалению, этим грешит не только М. Н. Становский, в уголовно-правовой литературе довольно часто умалчиваются неудобные позиции тех или иных авторов или не подвергаются критике влиятельные позиции. Разумеется, подобное неприемлемо. «Принцип объективности применительно к построению гипотезы истолковывается в двух планах: психологическом и логико-методологическом. В психологическом плане объективность означает отсутствие предвзятости, когда исследователь руководствуется интересами установления истины, а не своими субъективными склонностями, предпочтениями и желаниями... В логико-методологическом плане объективность означает всесторонность исследования», что, во-первых, требует учета всего исходного материала, а во-вторых, анализа всех возможных выводов.⁴⁸ Несоблюдение указанных формально-логических правил с необходимостью влечет за собой ошибку *необъективности* исследования.

⁴⁸ Кириллов В. И., Старченко А. А. Указ. соч. С. 252–253.

Раздел 2

Психология и уголовное право

Подраздел 1

Общие вопросы взаимодействия наук

Многие вопросы уголовного права напрямую выводят на психологию как науку о человеке, его внутреннем мире, его отношении с окружающим миром – это возраст и вменяемость (или невменяемость) субъекта, его вина, мотивация и целеполагание деятельности, невиновное причинение вреда и ошибка в оценке окружающей среды, понимание исправления виновного и т. д. Это было отмечено достаточно давно: «Роль психологии будет особенно широка в области прикладной науки уголовного права, в области той дисциплины, в которой в зависимости от существующих потребностей приходится устанавливать принципы идеального права в смысле наибольшего соответствия его с существующими условиями, и разве можно стоять на точке зрения такого соответствия без того, чтобы не соображаться с особенностями того объекта, для которого право создается, – с психологией человека».⁴⁹ Попытка вашего покорного слуги решить сложные вопросы уголовного права, связанные с субъективным миром человека, простейшим путем отсылки к психологии оказалась неудачной, поскольку психология не дает прямого ответа на все эти вопросы. В результате автор как представитель юриспруденции, стремящейся к более или менее точному и ясному толкованию понятий, столкнулся с невообразимой путаницей в представлениях психологов о тех или иных психологических категориях. Подобное отмечалось довольно давно: «Современное состояние психологии как науки вынуждает к такому образу действий (критическому анализу психологических теорий и попыткам самому разобраться в них. – А. К.), несмотря на то, что для криминалиста было бы в высшей степени удобно заимствовать психологические данные из соответственной дисциплины в совершенно готовом виде».⁵⁰ Похоже, что за прошедшее столетие в соотношении психологии и уголовного права, в их совместной деятельности по определению понятийного аппарата ничего не изменилось. Как неспециалист, не могу судить о том, насколько это отвечает интересам психологии, как юрист говорю откровенно, что подобное отношение к тем или иным понятиям не соответствует праву. Поэтому и только поэтому автор был вынужден немного коснуться психологии с тем, чтобы состыковать интересы права и психологии.

Традиционно в нашей литературе личность понимают как совокупность общественных отношений. В целом данное определение оправданно и приемлемо, поскольку отражает связи человека с окружающим миром, его деятельность в окружающей среде. Однако эти связи были бы односторонними без внутреннего восприятия человеком внешнего мира, без его отображения в сознании, без его оценки, без определения человеком своего места в окружающей среде, т. е. при определении личности очень важен ее внутренний мир, без которого личность так же невозможна, как и без связи с внешним миром.

Однако если связи с внешним миром каждого лица всегда носят объективный характер и даже при самой высокой конспирации все-таки могут быть установлены, то внутренний мир субъекта довольно часто остается непознанным. Пожалуй, основная сложность в познании личности заключается в раскрытии ее внутреннего мира. Исследованием внутренней сущности занимаются общая психология, социальная психология, психиатрия и иные отрасли науки.

⁴⁹ Фельдштейн Г. С. Учение о формах виновности в уголовном праве. М., 1902. С. 23.

⁵⁰ Там же. С. 30–31.

Естественно, для неспециалиста в данных областях возникает при исследовании масса сложностей: большой объем изучения материала, необходимый выбор приемлемой позиции, определения степени ее пригодности в данных отраслях науки и т. д. В такой ситуации оказываются единственными спасителями здравый смысл и обязательное знание правил формальной логики.

Не исключено, что неспециалист может «изобрести велосипед», однако это вполне оправданно до тех пор, пока психология не создаст ясного, четкого механизма психической деятельности с недвусмысленным анализом и систематизацией ее обособленных компонентов и соответствующим их синтезом.

Можно вполне согласиться с тем, «что правильно понять и исследовать материал какой-либо системы можно только в том случае, если мы будем рассматривать его как живущий в процессах и функциональных структурах целостной системы и из них выводить как морфологическое строение этого материала, так и законы его функционирования и изменения».⁵¹ Однако прежде чем познать целостность системы, мы вынуждены какую-то массу явлений разделить на элементы, вычленив подсистемы, исследовать их, а затем синтезировать. Лишь в таком случае мы способны будем судить об элементах системы и ее наличии вообще, о полноте или неполноте системы, о ее внутренних связях.

Анализ элементов, которыми оперирует психология, приводит к неутешительному выводу.

Прежде всего, из сказанного следует, что личность представляет собой совокупность психофизических свойств и социальных связей. Об общественных отношениях как социальных связях речь уже шла, поэтому сейчас важно установить соотношение социальных связей и психофизических свойств личности. Каждая конкретная личность обладает определенной совокупностью социальных связей, которые могут приближаться или отдаляться от совокупности социальных связей личности вообще и которые в своем объеме могут изменяться со временем. Мало того, в конкретных условиях места и времени человек никогда не задействует всю массу свойственных ему социальных связей, ограничиваясь лишь требуемым моментом (в магазине – торговые, на работе – производственные и т. д.). Соответственно, похоже, в конкретных условиях места и времени человек не задействует и всю массу свойственных ему психофизических свойств, в противном случае он не смог бы существовать на фоне постоянных психических перегрузок.

Предложенная психологами психическая структура личности на обобщенном уровне не очень корректна. Так, основными компонентами личности являются: 1) направленность личности (система различных свойств, взаимодействующих потребностей и интересов, идейных и практических установок); 2) система способностей, обеспечивающая успех деятельности; 3) характер или стиль поведения человека в социальной среде (сложная система ее свойств, направленности и воли, эмоциональных и интеллектуальных качеств; типологических особенностей, проявляющихся в темпераменте); 4) система управления, саморегуляции (усиление или ослабление деятельности, самоконтроль и коррекция действий и поступков, предвосхищение и планирование жизни и деятельности); 5) психические процессы, свойства и состояния.⁵² Очень похоже на то, что все перечисленное не элементы классификации, каждый из указанных факторов не представляет собой абсолютно самостоятельную категорию, поскольку включает в свою структуру одни и те же элементы. При этом, естественно, возникают проблемы возможности структурирования системы взаимно переплетающимися элементами. Ясно одно:

⁵¹ Карнозова Л. М., Щедровицкий Г. П. Системомыследеятельные основания и условия психологических исследований // Развитие прикладных психологических исследований и разработок. М., 1986. С. 8. – О необходимости системного изучения личности см., напр.: Сундуров Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. С. 27–28; и др.

⁵² Общая психология. М., 1981. С. 70–72.

указанное структурирование не выдерживает никакой критики с позиций правил формальной логики. Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с несколькими классификациями на различных уровнях и с различными основаниями, в которых психологии еще предстоит разобраться.

Довольно странную позицию по данному вопросу занял К. К. Платонов: «Сознание, личность и деятельность – три теснейшие взаимосвязанные общепсихологические категории, отражающие *три взаимодействующих феномена* (курсив мой. – А. К.), которые определяют специфические свойства человека, отличающие его от животных предков».⁵³ При таком подходе сознание, личность и деятельность отрывают друг от друга, превращают в обоснованные специфические факторы, *связанные* друг с другом. Формальная логика знает лишь три формы связанности понятий: целого и его части, двух целых, имеющих общую часть, и двух самостоятельных целых (отношения подчинения, пересечения, равнозначности). Как же соотносятся предложенные К. К. Платоновым понятия с этой точки зрения? Можно согласиться с автором в том, что указанные явления – три самостоятельных феномена. Однако он абсолютно не прав, классифицируя их на одном уровне («сознание, личность и деятельность») и создавая тем самым иллюзию их обособленности и равнозначности в классификации. На самом деле связи этих феноменов гораздо сложнее: сознание и деятельность – составные части личности, т. е. здесь между личностью, с одной стороны, и сознанием и деятельностью – с другой, связь подчиненности, родовидовая связь, связь по вертикали; сознание с деятельностью между собой связаны как части, виды, т. е. здесь связь равнозначности, видовая связь, связь по горизонтали (рис. 4).

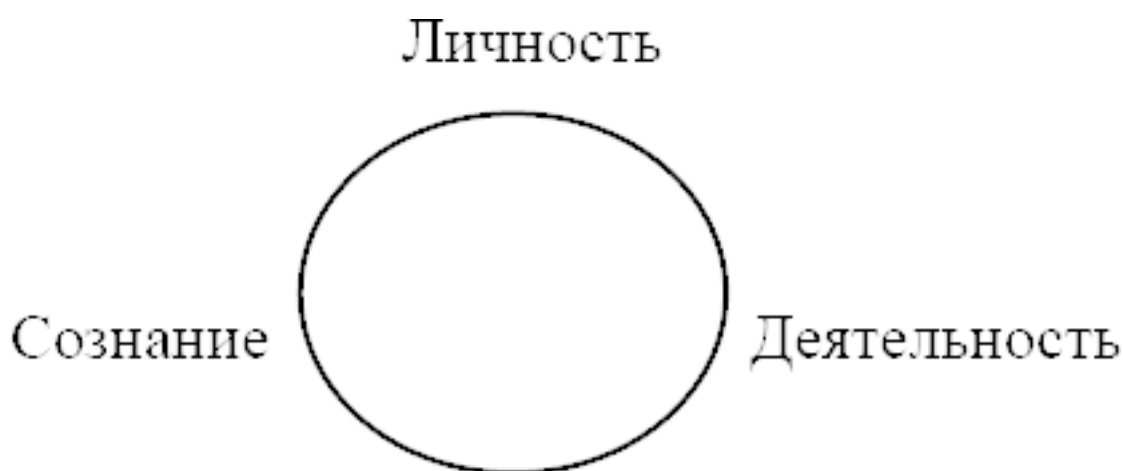

Рис. 4

Уже поэтому нельзя проводить одноуровневую классификацию: не сознание, деятельность и личность, а сознание и деятельность «личности». Мало того, автор не прав еще и в том, что выбрасывает за пределы личности бессознательное. Ликвидация данного недостатка, естественно, должна вести к усложнению взаимосвязей (связи внутри психики между сознанием и бессознательным и связи последних с деятельностью). Отсюда неверен и вывод автора о том, что все три феномена формируют специфические свойства человека, поскольку эти свойства определяются только сознанием (бессознательным) и деятельностью; личность создается лишь через них, посредством них.

Структура личности преступника в теории уголовного права и в криминологии также не нашла однозначного отражения. Достаточно привести хотя бы три позиции из множества других, чтобы в этом убедиться. Так, П. С. Дагель к подструктурам личности относит: а) непо-

⁵³ Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982. С. 214.

средственную общественную опасность виновного; б) отношения личности в различных областях социальных связей; в) нравственно-психологическую характеристику личности; г) психические особенности; д) физические свойства личности.⁵⁴ По мнению Ю. М. Антоняна, к подструктурам личности преступника относятся: 1) социально-демографические признаки; 2) уровень развития: культурно-образовательный уровень, знания, навыки, умения; 3) нравственные качества, ценностные ориентации и стремления личности, социальные позиции и интересы, потребности, наклонности, привычки; 4) психические свойства и состояния; 5) биофизические признаки.⁵⁵ С. А. Елисеев считает, что система «личность преступника» подразделяется на две подсистемы: 1) социальная (общегражданское положение, социальные аспекты половой принадлежности, возрастные особенности, образование, род занятий, семейное положение, жилищные и материальные условия существования, общественно-политическая деятельность, прежняя антиобщественная позиция); 2) нравственно-психологическая (психический склад, внутренний мир, отношение к социальным ценностям, потребности и интересы, направленность, цели, ориентация, нравственные и интеллектуальные качества).⁵⁶ В работах других авторов эта разногласия продолжается.⁵⁷

В обобщенном виде недостатки указанных и иных позиций заключаются в следующем: во-первых, авторы понимают, что личность характеризуется с двух сторон: психофизической и социальной, однако не могут найти общего подхода в классификации; во-вторых, похоже, они просто не хотят признать общего механизма развития деятельности от психических процессов и состояний к поведению или не могут его найти; в-третьих, подчас не соблюдаются правила формальной логики, отсюда путаница в выделяемых признаках (например, Г. М. Миньковский называет пятым признаком ориентацию личности на фоне дифференциации демографических – первый признак, образовательно-культурных – второй, потребностей – третий,⁵⁸ хотя понятно, что ориентация невозможна без первого, второго и третьего, она обязательно должна включать их в себя; С. А. Елисеев выделяет возраст как социальный признак, тогда как очевидно, что это чисто физиологический признак, который в процессе деятельности лишь приобретает социальный смысл и т. д.).

Мы вовсе не призываем теоретиков к единству взглядов, что просто несерьезно и исключило бы теорию как таковую. Однако мы твердо убеждены в одном: любая дискуссия должна иметь точку опоры, основание для рассуждений, чтобы говорить хотя бы об одном и том же, а не о разных предметах. Здесь нам всем должно помочь соблюдение правил формальной логики, иначе желающий иметь венец лавровый получит терновый (при нарушении элементарных правил определения и деления понятий).

При неформализованном понятийном аппарате любая теория будет размыта, между отдельными позициями невозможно будет найти точки соприкосновения. Поэтому для психологии вполне естественными представляются разногласия точек зрения и невозможность их свести воедино. Прав был К. К. Платонов: «В психологии разнообразие мнений, идей и путей решения задач дополняется и усугубляется понятийной “разногласицей” и терминологической нечеткостью».⁵⁹ Вполне прав и Р. С. Немов: «Только интеграция всех теорий с глубоким анализом и вычленением всего того положительного, что в них содержится, способна

⁵⁴ Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1972. С. 61–70.

⁵⁵ Антонян Ю. М. Системный подход к изучению личности преступника // Сов. гос-во и право. 1974. № 4. С. 89–91.

⁵⁶ Елисеев С. А. Структура личности преступника // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Томск, 1983. С. 15–16.

⁵⁷ См., напр.: Сахаров А. Б. Учение о личности преступника // Сов. гос-во и право. 1968. № 9. С. 64–69; Тарарухин С. А. Преступное поведение. М., 1974; Миньковский Г. М. Личность преступника и методы ее изучения // Вопросы советской криминологии. Ч. 1. М., 1976. С. 52; и др.

⁵⁸ Миньковский Г. М. Указ. соч. С. 52.

⁵⁹ Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982. С. 9.

дать нам более или менее полную картину детерминации человеческого поведения. Однако такое сближение серьезно затрудняется из-за несогласованности исходных позиций, различий в методах исследования, терминологии и из-за недостатка твердо установленных фактов о мотивации человека». ⁶⁰ Но о какой интеграции знаний может идти речь, если сам Р. С. Немов признает мотивацией «совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность», ⁶¹ тогда как даже не психологу понятно, что нет такой совокупности причин, есть только одна «причина» – результат, предмет возможного обладания, который выступает на различных этапах психической деятельности в качестве либо потребности, либо цели, либо мотива поведения, что вовсе не свидетельствует о множестве «причин», их совокупности.

Очень похоже на то, что психологи в их определенной части сознательно открещиваются от ясного и точного представления об элементах, этапах, процессах, уровнях психики. Так, А. В. Брушлинский откровенно заявляет: «Недизъюнктивность, непрерывность взаимосвязей мышления и восприятия, мышления и памяти, мышления и чувства и т. д. означает, что все эти психические процессы онтологически вообще не существуют как отдельные, самостоятельные, обособленные акты. Они представляют собой лишь абстрактно, только мысленно выделенные стороны единой, онтологически нераздельной психической деятельности. Тем не менее, *многие авторы предпринимают неправомерные попытки* (курсив мой. – А. К.) как-то “онтологизировать” эти лишь мысленно расчлененные аспекты психического, т. е. они пытаются онтологически отделить их друг от друга». ⁶² Здесь явно прослеживается мысль, что человек, который попытается жестко разграничить психические явления, не может быть отнесен к разряду правоверных психологов; отсюда и критическое отношение к Ж. Пиаже, предпринявшему попытку более жестко вмонтировать формальную логику в психологию. ⁶³

Однако даже для А. В. Брушлинского груз, поднятый им, оказывается непосильным: он вынужден вновь и вновь обращаться к структуре психики: «*Любые стадии и компоненты живого мыслительного процесса* (курсив мой. – А. К.) настолько органически неразрывно связаны...»; ⁶⁴ «В теории психического как процесса учитывается прежде всего то, что он *обычно протекает сразу на различных уровнях* (курсив мой. – А. К.) взаимодействия...» ⁶⁵ и т. д. Естественно, возникают вопросы: *что же находится в неразрывной связи, какие уровни мыслительного процесса существуют и, соответственно, следует ответ: без предварительного расчленения нечего будет связывать, и это расчленение, конечно же, должно происходить на фоне обособления отдельных компонентов психики, только тогда можно будет говорить об их связанности или несвязанности.* А. В. Брушлинский уверен: «Само выделение и расчленение психического как живого процесса... возможны лишь... на основе анализа через синтез», ⁶⁶ при этом анализ и синтез выступают в психологическом, а не логическом качестве. ⁶⁷ И тем не менее он пытается представить анализ и синтез как нечто единое («анализ через синтез»), тогда как данная формула не может быть принята в силу своей неоправданности. Ведь «анализ через синтез» можно понимать двояким образом: 1) анализ посредством синтеза, когда синтез выступает как способ анализа, что абсолютно неприемлемо, поскольку нельзя разделять, одновременно объединяя; но именно при таком толковании создается иллюзия единства анализа и синтеза; 2) анализ после синтеза, что абсолютно истинно, не исключает их обособленности и взаимосвязанности,

⁶⁰ Немов Р. С. Психология. Т. 1. М., 1994. С. 403.

⁶¹ Там же. С. 390.

⁶² Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982. С. 28.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 19.

⁶⁵ Там же. С. 22.

⁶⁶ Там же. С. 24.

⁶⁷ Там же. С. 29.

но исключает иллюзию их единства (синтез – категория прошлого, а анализ – настоящего; анализ имеет дело с целостностью как результатом прошлого синтеза, а не с самим синтезом).

При этом представляется абсолютно непонятным разделение логического и психологического качества анализа и синтеза; по крайней мере, и в философии,⁶⁸ и в психологии⁶⁹ анализ и синтез определяются как расчленение или соединение частей целого.

Довольно подробно приведена позиция А. В. Брушлинского лишь потому, что указанная тенденция превалирования синтеза над анализом в целом заложена в советской и постсоветской психологии. Трудно дались поиски работ, в которых деятельность психики была бы систематизирована на основе обособленных психических компонентов. Мимолетная радость при обнаружении источников, ориентированных на системное изложение психической деятельности,⁷⁰ заканчивалась существенными разочарованиями, поскольку подобные работы имеют, скорее, математический уклон и, как правило, не связаны с собственно психическими компонентами.

Особняком на этом фоне стоит работа К. К. Платонова, в которой он действительно стремится создать систему психики. Для него главной задачей была необходимость разделить все компоненты психики на общепсихологические и частные психологические категории. При этом к общепсихологическим отнесены те понятия, объем которых совпадает с объемом психологической науки. Их шесть: психическое отражение, психическое явление, сознание, личность, деятельность, развитие психики.⁷¹ Однако вызывает сомнение, что даже эти категории можно признать общепсихологическими. Во-первых, едва ли обоснованно отнесено к общепсихологическим *отражение*; об этом речь пойдет дальше, а пока отметим, что, к чести психологии, она – единственная из гуманитарных наук почти до заката господства ленинской теории отражения в СССР удерживалась от желания включить в себя эту теорию; значительная часть психологов так и не присоединилась к ней. Во-вторых, К. К. Платонов абсолютно неверно говорит о том, что *сознание* совпадает по объему с объемом психологии, поскольку он сам в конце работы говорит о неосознанном, т. е. автор знает о бессознательном, но старается не вводить эту категорию в объем психологии, что, конечно же, неверно. Психология не может не изучать бессознательное как один из компонентов внутреннего мира человека, следовательно, учение о сознании – только часть психологии, а не ее полный объем. В-третьих, мы готовы были согласиться с деятельностью как общепсихологической категорией, понимая под ней деятельность сознания, однако К. К. Платонов признает деятельностью и физический аспект – поведение человека в окружающем мире,⁷² что абсолютно неприемлемо. Никто не станет отрицать, что физической деятельностью руководит сознание – это психологическая аксиома. Но из нее не следует обязательное единство психической и физической деятельности. Ведь не менее аксиоматично и то, что возможна психическая деятельность без физической: человек («Обломов») неделями может лежать на диване и мечтать (думать, мыслить – это психическая деятельность) о физической деятельности и Нобелевской премии, не предпринимая никаких физических усилий к реализации психической деятельности; возможна психическая деятельность иной направленности, нежели осуществляемая человеком физическая: человек, трудовые навыки которого доведены до автоматизма, вполне может предаваться мечтам о свидании с любимой девушкой, при этом его руки безошибочно будут выполнять трудовые функции; т. е. мы хотим сказать, что при всей иллюзии единства психического и физического они все же разные катего-

⁶⁸ Философский энциклопедический словарь. С. 23, 609.

⁶⁹ Психология: Словарь. С. 19, 363. – А. В. Брушлинский как один из авторов данного словаря, похоже, не реализовал свою идею о качественно ином понимании в психологии анализа и синтеза.

⁷⁰ См., напр.: Келасьева В. Н. Структурная модель мышления и проблемы генезиса психики. Л., 1984; Нейсахов Н. М. Закономерности динамики психических явлений. Казань, 1984; и др.

⁷¹ Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982. С. 25.

⁷² Там же. С. 206–214.

рии, которые даже не всегда взаимосвязаны. Именно поэтому физическую деятельность нужно «отдать» реальному миру, а психическую – мозгу. Мы не можем принять поведение человека в окружающем мире в качестве психической деятельности еще и потому, что даже в том случае, когда они взаимосвязаны, психическая деятельность отделена по времени от физической, между ними связь причины и следствия, под которыми понимаются всегда различные явления. К. К. Платонов сам пишет о причинно-следственной связи в этом случае и тем не менее объясняет единство причины и следствия переходом «причины и следствия друг в друга»,⁷³ в чем он совершенно не прав: никогда следствие не переходит в причину, которая вызвала следствие; следствие может стать причиной другого следствия – и только, ни о каком переходе следствия в его причину и речи быть не может, т. е. связь причины и следствия, как правило, односторонняя. В-четвертых, развитие психики также не является категорией, совпадающей по объему с психологией, поскольку «развитие» предусматривает только процесс динамики; таким образом, в психологии за пределами собственно развития остаются процессы взаимосвязанности, психические состояния, свойства и т. д. В-пятых, К. К. Платонов выделяет общепсихологические категории для того, чтобы на их основе обособить частнопсихологические, т. е., по его мнению, общепсихологические категории отличаются друг от друга какими-то особенностями. Возникает неясность в вопросе о том, какими особенностями обладает, например, личность как категория психологии по сравнению с психическим явлением (она сама – психическое явление), с деятельностью (она сама – совокупность психических действий, т. е. деятельность). Очень похоже на то, что личность как специфическая категория по сравнению с другими, указанными К. К. Платоновым, не проявляется. Таким образом, классификация психологических категорий высшего уровня, предложенная К. К. Платоновым, частично неверна, частично спорна, а в целом неприемлема.

Отсюда становится сомнительной и «классификация» частнопсихологических категорий, «привязанных» к собственным, обособленным общепсихологическим.⁷⁴ Сравним в качестве примера лишь несколько частнопсихологических категорий, «привязанных» к двум общепсихологическим формам – психического отражения и личности. Так, автор относит память, эмоции, чувства, волю и т. д. к формам отражения, а направленность, опыт, темперамент и т. д. – к личности. Неужели он убежден в том, что память, эмоции, чувства и т. п. не носят личностного характера, что они вне личности? Разумеется, такое даже предположить трудно. Естественно, и память, и эмоции, и воля всегда субъективно обособлены, глубоко личностны. В этом плане они ничем не отличаются от направленности, опыта, темперамента и т. п. Остается непонятным, что «более личностное» находит К. К. Платонов в направленности и опыте. Особенно интересно: раскрывая личность как общепсихологическую категорию, К. К. Платонов вообще не касается направленности, опыта как чего-то особенного по сравнению с эмоциями, памятью и т. д.⁷⁵ И это не случайно.

Мало того, по мнению К. К. Платонова, «мотивы, как и любые другие психические явления (курсив мой. – А. К.), бывают и процессами, и состояниями, и свойствами личности»,⁷⁶ но мотивы отнесены к деятельности, а процессы, состояния, свойства и другие общепсихологические категории – к психическим явлениям, отсюда следует, что деятельность бывает и психическим явлением. Так в чем смысл классификации общепсихологических и частнопсихологических категорий, если они суть одно и то же? Ведь сам К. К. Платонов, говоря о систематизации, признает элементами целостности «предложенные в рамках данной системы

⁷³ Там же. С. 214.

⁷⁴ Там же. С. 25.

⁷⁵ Там же. С. 183–206.

⁷⁶ Там же. С. 215.

и *относительно автономные* (курсив мой. – А. К.) ее части».⁷⁷ Хочется надеяться, что здесь автор имеет в виду специфическую обособленность элементов целостности друг от друга. И это действительно так: только из тождеств целостность как система состоять не может. С необходимостью следует вывод: К. К. Платонову при всем его желании не удалось создать систему психики личности. И вновь благая попытка анализа и систематизации психических компонентов привела к терминологической «каше» тождеств.

Казалось бы, давайте на первых порах применим формальную логику в психологических исследованиях и частично решим проблему интеграции знаний. Однако оказывается, что не все так просто, поскольку вопрос о взаимосвязи формальной логики и психологии ставится довольно давно и решается отнюдь не однозначно. По мнению Ж. Пиаже, «аксиоматика (формальная логика. – А. К.) никогда не сможет “образовать фундамента” экспериментальной науки», но «всякой аксиоматике может соответствовать экспериментальная наука...»⁷⁸ Думается, автор несколько противоречит себе же, так как несколькими строками ниже пишет, что «логистика (формальная логика, аксиоматика. – А. К.) является, таким образом, не чем иным, как идеальной “моделью” мышления»,⁷⁹ т. е. это определенный стандарт мышления, его основа. Данное противоречие возникло не случайно, оно базируется на двойственном представлении автора о понятии формальной логики. С одной стороны, «формальная логика, или логистика, является аксиоматикой состояний равновесия мышления, а реальной наукой, соответствующей этой аксиоматике, может быть только психология мышления».⁸⁰ С другой – «аксиоматика – это наука исключительно гипотетико-дедуктивная, то есть такая, которая сводит обращение к опыту до минимума...»;⁸¹ «центральная проблема логики, если она хочет быть адекватной реальной работе сознания, состоит, по нашему мнению, в том, чтобы формулировать законы этих целостностей как таковых».⁸²

Во всем этом видится несколько сложностей. Во-первых, Ж. Пиаже базирует свои выводы на им же заложенном противоречии: с одной стороны, формальная логика – реальность мышления («аксиоматика равновесия мышления»), с другой – наука, формулирующая законы целостностей. Мы склонны согласиться с таким положением вещей, поскольку считаем, что здесь противоречие только внешнее, за которым скрывается точный смысл формальной логики. Ведь достаточно давно стало очевидным, что ребенок, воспитанный стаей животных вне зависимости от характера стаи (обезьяны, волки, кенгуру), не способен так же опредмечивать окружающий мир, как обычные ребята – его сверстники. Из этого следует, что человек познает окружающий мир, опредмечивает его через опыт (за исключением заложенного генетикой): родители говорят ребенку: вот это ель, посмотри, иголочки маленькие и твердые, а вот лиственница, у нее тоже иголки маленькие, но очень мягкие, а вот сосна, у нее иголки длинные и т. д. Здесь уже формализуется представление ребенка об окружающем мире, опредмечивание окружающего мира становится более точным. При этом, конечно же, мы имеем дело с формальной логикой, поскольку все обучение ребенка опирается на понятийный аппарат, на его разработку. Вкладывая постепенно в сознание ребенка те или иные понятия и закрепляя их в нем, помогая ребенку более точно опредмечивать окружающий мир, мы тем самым превращаем формальную логику в способ существования мышления («аксиоматику равновесия мышления»). Именно поэтому формальная логика и выступает в двух ипостасях: как наука, создающая законы точного и строгого мышления, и как способ мышления. И если бы автор

⁷⁷ Там же. С. 34.

⁷⁸ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994. С. 82–83.

⁷⁹ Там же. С. 84.

⁸⁰ Там же. С. 55.

⁸¹ Там же. С. 81.

⁸² Там же. С. 91.

принял именно такой подход, он был бы абсолютно прав. Однако Ж. Пиаже, похоже, не это имел в виду, поскольку логическому способу мышления он противопоставил науку психологии мышления, параллельно предложив науку формальной логики, и тем самым создал ситуацию обслуживания логического способа мышления психологией мышления и формальной логикой, не разграничив последние и заложив реальное противоречие.

Думается, во-вторых, глубочайшее заблуждение Ж. Пиаже кроется прежде всего в том, что он сузил психологию мышления до логики, а более правильно было бы соотнести логику с формальной логикой. Вместе с тем, выделив психологию мышления как науку, автор – несомненный сторонник формально-логического анализа – нарушает правила формальной логики: ведь психология – наука о психике, последняя невозможна без мышления, отсюда психология мышления как наука *о психике мышления* явно заключает в себе тавтологию, чего быть не должно. Кроме того, вполне понятны причины «обслуживания» аксиоматики психологией мышления, поскольку автору было важно противопоставить формальную логику и мышление: «логика является зеркалом мышления, а не наоборот».⁸³ Скорее всего, ни Ж. Пиаже, ни другие сторонники рассмотрения формальной логики и мышления с позиций их соотношения как отражаемого и зеркала не правы; указанные категории нельзя рассматривать с позиций отражаемого и отражения, между ними иное соотношение: на уровне доктринальном одна из них разрабатывает правила точного и строгого мышления, а вторая – структуру и динамику мышления, его механизм; при этом первая лишь обслуживает вторую, помогая ей разобраться в предметах, ею рассматриваемых, в их соотношении, классификациях и группировках; на реальном уровне логика – один из способов существования мышления.

Именно поэтому и только в указанных пределах формальная логика не просто может, а должна стать фундаментом мышления. Не являются исключением из данного правила и экспериментальные науки, каждая из которых возникает на основе уже чего-то существующего на формально-логической основе; разумеется, при этом возникают и новые категории, новые явления, понять и осмыслить которые (их сущность, соотношение между собой и с ранее существовавшими явлениями, их классификацию и группировки) помогает также формальная логика. Таким образом, формальная логика – фундамент строгого мышления, что очень важно для психологии, которая представляла и пока представляет собой «броуновское движение» отдельных элементов, упорядочить которое поможет только формальная логика.

«Мышление в настоящее время – объект логического анализа. При этом логический анализ мышления, как и логический анализ знаний, имеет два направления: 1) разработку понятий, описывающих процессы мышления, и логической техники, с помощью которой можно осуществлять проверку и построения их операциональной структуры; 2) решение внешних задач с помощью этих понятий и техники».⁸⁴

Сторонников жесткого формально-логического подхода к обособлению субъективного и объективного принято обвинять в интуитивизме, неопозитивизме и тому подобных «шумах».⁸⁵ Тем не менее именно они пытаются более глубоко разобраться в психических процессах, понять их структуру, разграничить субъективное и объективное с тем, чтобы глубже понять связь между ними, чего нельзя достигнуть при смешении субъективного и объективного в одну массу, при якобы научном объединении психической и физической деятельности под лозунгом невозможности существования психики вне окружающей среды и физической деятельности вне психики. Противники формально-логического подхода забывают об одной важной вещи: субъективное имеет собственную энергию (примером тому служат гипноз, телекинез) и уже в

⁸³ Там же. С. 81.

⁸⁴ Ладенко И. С. Интеллектуальная система и логика. Новосибирск, 1973. С. 73.

⁸⁵ Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974. С. 75.

силу этого должно быть самостоятельно изучено, поскольку создает изменения в окружающем мире без «физического» вмешательства в него.

Вообще непонятно, что же отпугивает основную массу психологов и социологов в формально-логическом исследовании субъективного, ведь такой подход вовсе не исключает последующего изучения окружающей среды и их взаимного влияния друг на друга. Скорее всего, неприятие связано с тем, что формальная логика требует опоры на определенный фундамент, не терпит разбросанности и размытости мышления, не позволяет создавать теории безбазисные, основанные только на представлениях исследователя. Да, действительно, формальная логика «вяжет» исследователя по рукам и ногам, но только для того, чтобы мозг его стремился к истине, чего нельзя достичь без фундамента.

Разумеется, можно сгладить острые углы и сказать, что в разногласии мнений нет противоречий, позиции лишь дополняют друг друга.⁸⁶ Однако такое возможно только тогда, когда какое-то явление (понятие о нем) делится на структурные элементы (классифицируется) по различным основаниям и каждая из классификаций дополняет другие, создавая в единстве общий обогащенный образ явления. Вот этого-то и не происходит: все авторы пытаются классифицировать признаки личности по одному основанию – с точки зрения социально-психологических качеств личности и тем не менее не находят единого подхода. Особенно заметно это при рассмотрении отдельных элементов психики, их связи между собой и механизма взаимодействия, где не складывается ясной и четкой картины: потребностей, интересов, мотивов, целей, сознания, воли, принятия решения, направленности, ценности, ценностных ориентаций, социальных установок и т. д., что в большей степени интересует юриспруденцию. Что они собой представляют, как взаимодействуют друг с другом, какие системы образуют – все эти вопросы практически невозможно решить, автоматически придерживаясь господствующих позиций. Ничуть не лучше ситуация в теории уголовного права и криминологии.

Подраздел 2

Объективное и субъективное: динамика сосуществования

Глава 1

Окружающий мир как система ценностей

Прежде всего хотелось бы разобраться в вопросе о том, как взаимодействуют окружающий мир и внутренний мир человека; с чего все начинается и чем завершается. Разумеется, все психологи пишут и о ценностных ориентациях, и об установках, о влиянии окружающей среды на психику, о познании. При этом остается неясным, как соотносятся данные факторы с мотивационной сферой (входят ли они в нее как элементы или находятся вне ее пределов; констатация того, что ценностные ориентации образуются из столкновения системы потребностей с системами жизненных ситуаций,⁸⁷ проблемы не разрешает); как соотносятся ценностные ориентации и установки друг с другом, как соотносятся они с системой ценностей; является ли система ценностей субъективной (относящейся к психике) или объективной (относящейся к окружающему миру) категорией.

Коль скоро речь идет о взаимовлиянии окружающей среды и психики, начнем с первой. Представляется аксиоматичным, что среда обитания человека – это система тех или иных ценностей, которые окружают человека и помогают в его жизнедеятельности. Но, оказывается, не все так просто. «В свою очередь имеется иерархия и в системе ценностей. Вершину ее

⁸⁶ Сундуков Ф. Р. Указ. соч. С. 32.

⁸⁷ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979. С. 47.

составляет “жизненный идеал” – социально-политический и нравственный образ желаемого будущего». ⁸⁸ Сразу видно, что аксиоматичность представления о системе ценностей как объективной категории исчезает, поскольку ценность объявляется «жизненным идеалом», образом желаемого будущего и, следовательно, субъективной категорией. Ничуть не лучше обстоит дело и в уголовном праве. «Ценность зависит не от сознания и воли субъекта ценности, а, во-первых, от имманентных свойств объекта (явления, процесса и т. д.) и, во-вторых, от исторически обусловленных потребностей и интересов субъекта». ⁸⁹ Здесь также ощущается стремление Ю. А. Демидова придать ценности объективный характер («зависит от имманентных свойств явления») и в то же время низвести ее до субъективной категории («зависит от потребностей и интересов субъекта»). При этом автор ненавязчиво оторвал потребности и интересы субъекта от его сознания и воли («зависит не от сознания и воли, а от... потребностей и интересов субъекта»), тем самым косвенно признав неосознанный характер потребностей и интересов субъекта, что в принципе неприемлемо.

Имеются и иные определения ценностей. Например, «в действительности следует рассматривать ценности как определенное общественное отношение между людьми в конкретном обществе». ⁹⁰ В таком понимании ценность – вроде бы объективная категория. Тем не менее с таким решением согласиться невозможно, потому что общественное отношение между людьми – это взаимосвязи субъектов, реализация их прав и обязанностей: субъект может вступить в отношения с собственником, приобретая данный предмет, а может и не вступать из-за отсутствия денег, и тогда предмет с его ценностью останется за пределами отношения, сама же ценность предмета не исчезнет, хотя отношений и не возникло. Представляется, что здесь более правильным было бы говорить об общественном отношении *по поводу ценности*.

Не помогает разобраться в проблеме и философия, которая выделяет ценности предметные и субъектные; к последним относятся и установки, и оценки, и цели, и т. д.; вместе с тем и предметные, и субъектные ценности суть *оценки*, ⁹¹ следовательно, носят субъективный характер. Тут же философия выделяет установку как состояние готовности к активности, ⁹² не объясняя, почему состояние готовности есть ценность. Здесь же выделяются ценностные ориентации, ⁹³ отличие которых от субъектных ценностей становится абсолютно невразумительным, поскольку последние – это установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, ⁹⁴ а первые – убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, нравственные принципы поведения, ⁹⁵ т. е. первые и вторые суть одно и то же: установки, в частности, глубокие и постоянные привязанности, субъективные императивы и запреты (а именно о них речь) – убеждения, нравственные принципы поведения и т. д.

Вполне понятно подобное понимание ценностей, ведь окружающий мир состоит только из предметов, которые вроде бы становятся ценностями с точки зрения социальной оценки, а последняя – это мнение определенной массы субъектов. «Ценность – это значение, придаваемое социальной общностью различным явлениям. Наиболее важные, базовые *ценностные представления* (курсив мой. – А. К.) определяют всю жизнедеятельность группы и входящих в нее личностей». ⁹⁶ Однако, похоже, дело обстоит вовсе не так. Возьмем в качестве примера

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 10.

⁹⁰ Титов В. А. Познавательное содержание нравственности и его функциональное значение // Социальная сущность и функции нравственности. М., 1975. С. 58.

⁹¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 765.

⁹² Там же. С. 708.

⁹³ Там же. С. 764.

⁹⁴ Там же. С. 765.

⁹⁵ Там же. С. 764.

⁹⁶ Еникеев М. И. Основы судебной психологии: психические свойства личности. М., 1982. С. 43.

лес как совокупность деревьев, кроме них в лесу имеется множество животных и растений. Предположим, уничтожили деревья; вместе с ними будет уничтожена и вся остальная флора и фауна, они не смогут приспособиться к условиям степи или пустыни и погибнут только потому, что были срублены деревья. На этом примере видно, что в деревьях заключена определенная самоценность, которая как ценность важна и для окружающего мира. Мы можем ее не воспринимать, относиться к ней равнодушно, оценивать ее различным образом, вне зависимости от этого – она существует как категория объективного мира, необходимая для флоры, фауны, в том числе и человека. Отсюда следует, на наш взгляд, очевидный вывод: *ценность – это совокупность благ, заключенных в том или ином предмете окружающего мира, которые предмет «предлагает» окружающему миру.*

Разумеется, такой подход не имеет ничего общего с диалектическим материализмом и с другими теориями ценностей, поскольку определяется философией как натуралистический психологизм.⁹⁷ Однако достоинством данной теории является жесткое размежевание объективного и субъективного применительно к ценностям, что позволяет разобраться в терминах и понять, с чем же мы имеем дело. Думается, для того, чтобы понять суть соотношения объективного и субъективного, разобраться в социальных отношениях и их соотношении с психикой, совсем не обязательно термин, характеризующий объективность, превращать в термин, характеризующий субъективный мир. Вполне достаточно уяснить, каким образом связаны между собой объективные и субъективные явления и какие термины достаточно полно и точно отражают те и другие и их связь.

«Богатство» объективного мира, его ценностей столь велико, что можно создать великое множество классификаций ценностей по различным основаниям. Для нас важна классификация по сфере принадлежности ценности, которая достаточно широко принята наукой и согласно которой ценности можно подразделить на две большие группы – ценности природные и ценности социальные.

Окружающий мир относительно стабилен, поэтому заключенные в нем ценности также относительно стабильны (ценности природы, ценности человечества, ценности личности, ценности собственности, ценности объединения в группы и т. д.). Структура ценностей в угоду идеям и техническому прогрессу может изменяться в ту или иную сторону, и довольно часто мы сталкиваемся с возвращением ценностей (не брать по-мичурински от природы все, что можно, а жить в согласии с нею).

Столь же относительно стабильна и система ценностей, которая остается объективной категорией и как таковая степеней не имеет, т. е. система природных ценностей абсолютно гармонична, все в ней взаимоувязано и взаимосогласовано, тогда как система ценностей социальных только в определенной степени гармонична, тем не менее и те, и другие остаются ценностями как таковыми. Система ценностей начинает представлять собой иерархическую систему лишь тогда, когда она зависит от идеологии общества и мнения человека, когда общество пытается выделить более или менее значимые ценности, т. е. создать их «лестницу». Поэтому система ценностей как субъективный фактор носит довольно странный субъективный характер: она создается основной массой населения или какой-то доминирующей в обществе группой, однако отдельным субъектом может быть принята, а может быть и не принята. По существу, каждый субъект может иметь свою систему ценностей. Чтобы не смешивать указанные две системы ценностей (общесоциальную и индивидуальную), психология называет систему ценностей отдельного субъекта *ценностной ориентацией*. Такое размежевание даже на терминологическом уровне представляется не совсем оправданным, поскольку ценностными ориентациями обладает не только каждый индивидуум, но и само общество, и государство. При этом для каждого отдельного субъекта закреплённая обществом и (или) государством система

⁹⁷ Демидов Ю. А. Указ. соч. С. 10.

ценностей становится «объективной» категорией, находящейся вне психики субъекта, с которой субъект лишь «сверяет» свое отношение к окружающему миру. Тем не менее практически невозможно найти в психологии, философии, криминологии (нам, по крайней мере, это не удалось) такое определение ценностных ориентаций, которое выводило бы их за пределы *установки*; как правило, авторы в той или иной степени отождествляют ценностные ориентации и установки.⁹⁸ Вопрос ясен: нужно ли разделять ценностные ориентации и установки? Думается, ответ на данный вопрос может быть только положительным. Выделение ценностных ориентаций не разрешает проблемы сферы социальной детерминации психики и ее динамики, поскольку процесс развития психической сферы чрезвычайно сложен, и на примере мотивационной сферы мы в этом убедились. Во-первых, чем глубже дифференцировано какое-то явление, тем больше объем элементов, его составляющих, тем меньше объем каждого элемента, тем проще познание каждого элемента и явления в целом. Современное представление психологии об анализируемой сфере психики весьма неопределенно, требует конкретизации, которая может быть осуществлена как раз путем глубокой дифференциации понятий, их содержания и соотношения. С этих позиций наличие двух элементов сферы лучше, чем одного элемента, наличие трех элементов лучше, чем двух, и т. д. Во-вторых, очень похоже на то, что данная сфера психики носит динамический характер, поскольку трудно представить себе, что отражение и фиксирование в психике окружающего мира, выработка собственного представления о нем, реализация этого представления в собственном поведении могут быть статичными, а не динамичными явлениями. А посему ограничение анализируемой сферы лишь ценностной ориентацией не показывает динамику данной сферы, которую желательно раскрыть через систему понятий. В-третьих, узко и достаточно четко сформулировано понятие установки, которая так и просится стать одним из этапов динамики развития данной сферы. Какими же будут другие этапы? Вполне возможно, что ценностно-ориентационной назовут всю сферу; не исключено, что ценностные ориентации станут лишь элементом данной сферы наряду с установкой – не в этом суть. Главное – найти динамику сферы и вычленить ее этапы.

Глава 2

Отражение и восприятие социальных ценностей – первичные элементы взаимодействия личности и окружающего мира

Коль скоро мы говорим о сфере социальной детерминации психики, то очевидно, что имеем в виду влияние окружающего мира на психику человека. Отсюда следует: окружающая среда оказывает то или иное воздействие на психическую деятельность, которое осуществляется в двух направлениях. Прежде всего, среда обитания выступает в качестве отражаемых в сознании предметов; в этом плане естественной первой функцией психики является отражение действительности. Вместе с тем среда обитания несет с собой в психику и прежний социальный опыт самого субъекта, который корректирует и отражение действительности, и следующие за ним этапы социальной детерминации психики. Эти два направления вторжения социальной среды в психику существуют параллельно на всем протяжении социальной детерминации психической деятельности.

Итак, на *первом этапе* развития анализируемой сферы происходит *отражение действительности*. Под отражением традиционно понимается «всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении признаков, свойств и отношений отображаемого предмета».⁹⁹ В принципе с данным определением в какой-то части можно согласиться, поскольку сразу же

⁹⁸ Титаренко А. И. Мораль как особый способ освоения мира // Социальная сущность и функции нравственности. М., 1975. С. 10; Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. С. 78; и др.

⁹⁹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 470; см. также: Психология: Словарь. М., 1990. С. 258.

возникает элементарная ассоциация с зеркалом и зеркальным отражением, которая все ставит на свои места.

Вызывает сомнение лишь определение отражения через воспроизведение, попытка синонимизировать эти два понятия крайне неудачна. Даже на поверхности лежит то, что отражение представляет собой нечто пассивное, тогда как воспроизведение по определению психологии («*умственное действие*, заключающееся в восстановлении и реконструкции актуализированного содержания»¹⁰⁰) всегда – активное поведение. Мало того, воспроизведение скрывает в себе полное или частичное разрушение прежнего явления и восстановление или реконструкцию чего-то тождественного. Разумеется, при отражении ничего подобного нет. Исходя из этого, нет смысла определять отражение через воспроизведение. На наш взгляд, отражение – это такая пассивная связь психики с окружающим миром, при которой эффект «зеркала» зависит от субъективной привлекательности объекта. Едва ли следует соглашаться и с толкованием структуры отражения, предложенным философией и психологией, так как структура отражения остается малопонятной и чрезмерно широкой: в нее включаются и восприятие, и обобщение как формы отражения.¹⁰¹ Если быть последовательным, то в таком случае нужно признать формой отражения и ценностные ориентации, и установки, которые невозможны без отражения так же, как и восприятия, и обобщения. Мало того, философия готова включить в отражение даже действие человека: «Неотъемлемым свойством живого организма является раздраженность – отражение воздействий внешней и внутренней среды в виде возбуждения и ответной избирательной реакции»,¹⁰² т. е. реакция на раздражитель – это вид отражения. Столь широкое понимание отражения (отражение как противодействие, «отражение атаки») уже входит в противоречие с самим определением отражения как воспроизведения, поскольку при противодействии ни о каком воспроизведении не может идти речи. И уж совсем это не имеет ничего общего с отражением как пассивным поведением психики. Здесь происходит необоснованное расширение представления об отражении, возведение его в ранг самой сферы, а не ее элемента. Похоже, значение отражения несколько более узкое – это и есть только эффект «зеркала». Продолжая в этом плане ассоциацию с зеркалом, можно воссоздать две ситуации: 1) перед зеркалом стоит флакон с духами и в комнате никого нет – отражение существует, но нет ни восприятия, ни обобщения; 2) в комнате находится человек, который видит данное отражение (отражает отражение в своем сознании) и воспринимает его. Отсюда следует, что отражение существует и без восприятия, как самостоятельная объективная и субъективная категория. На основе приведенного примитивного примера более предпочтительно понимание отражения как пассивного поведения психики, которое дает более точное представление об анализируемом этапе и помогает избежать смешения понятий. Это особенно важно потому, что этап отражения очень кратковремен, человек отражает предмет сравнительно недолго; на последующих этапах он уже имеет дело не с отражением предмета, а с *образом* отраженного предмета как результатом отражения.

Создание образа предмета в психике становится возможным лишь на *последующей стадии* развития анализируемой сферы – *восприятия*. И философия, и психология неоднозначно понимают восприятие. Выше уже говорилось о том, что восприятие в определенной мере отождествляют с отражением и признают либо целостным отражением,¹⁰³ либо процессом отражения действительности.¹⁰⁴ Именно поэтому совершенно не случайно в некоторых исследова-

¹⁰⁰ Психология: Словарь. М., 1990. С. 69.

¹⁰¹ Там же. С. 66, 240.

¹⁰² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 470.

¹⁰³ Психология: Словарь. М., 1990. С. 66.

¹⁰⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 92.

ниях восприятие полностью замещает собой отражение.¹⁰⁵ Авторское отношение к подобному было уже изложено. Однако психология на этом не остановилась, и в некоторых работах уже давно сделана попытка установить соотношение между восприятием и интеллектом.¹⁰⁶ Хотя такая попытка и признана одним из исследователей содержащей мало смысла,¹⁰⁷ но сама постановка проблемы возводит восприятие на уровень общих психологических категорий (сознания, мышления, интеллекта), чего делать не следовало. Ведь никто не сравнивает мотив с интеллектом, цель с интеллектом и т. д., поскольку нет смысла сравнивать структурные элементы явления с самим явлением (не следует проводить родовидовое смешение). Разумеется, нельзя исключить того, что психология сегодня готова вывести и отражение, и восприятие, и установку, и т. д. на уровень общих психологических категорий, но тогда она должна быть готова и к тому, чтобы разрешить проблемы конкуренции, обособления и взаимосвязи всех общих категорий, в том числе и четкого разграничения между ними. Пока, похоже, психологии это не удалось. Кроме того, нужно же что-то оставить на уровне «обслуживания» общих категорий (их виды, этапы, способы осуществления и т. д.).

Скорее всего, *восприятие* – лишь один из этапов развития сферы социальной детерминации психики, который заключается в *познании человеком образа отражения*.

Обособление образа предмета и включение его в систему образов, как результат, базируется на психических свойствах самого субъекта и вместе с тем – на его предыдущем опыте, и чем «богаче» предыдущий опыт, тем точнее будет узнавание образа, тем шире восприятие его, и наоборот. Указанная выше ошибка отражения при включении чувственных факторов может быть ликвидирована либо закреплена. Но поскольку само по себе более широкое или узкое узнавание образа и его познание несут ошибку восприятия, то при ликвидации ошибки отражения она остается «ведущей»; при закреплении ошибки отражения наблюдается наслоение ошибок, их накопление и усложнение.

Только на следующем этапе развития анализируемой сферы происходит полное оценочное познание системы образов с установлением ее качества. На наш взгляд, таким *этапом* являются *ценностные ориентации*.

Глава 3

Ценностные ориентации и социальные установки как элементы сферы взаимодействия личности и окружающего мира

Ценностная ориентация в науке признается субъективной категорией, иной позиции нам не встретилось. Но однозначность признания природы ценностной ориентации вовсе не означает ее однозначного понятия и определения. Дело в том, что в психологии широко признано существование наряду с ценностной ориентацией еще и установки, поэтому возникают проблемы соотношения указанных категорий (насколько они самостоятельны), отсюда и различное понимание ценностных ориентаций. Так, «Психологический словарь» определяет ценностные ориентации как установки.¹⁰⁸ Более широкое определение предлагают другие источники. «Ценностные ориентации – составной элемент общей социальной направленности личности, которая представляет собой формирующийся в процессе жизнедеятельности социально детерминированный, относительно устойчивый тип отношения личности к социальным ценностям общества»;¹⁰⁹ отсюда естествен вывод, что «разновидностью ценностных ориентаций являются

¹⁰⁵ Петровская Л. А. Социальная перцепция и обратная связь // Хрестоматия по социальной психологии. М., 1994. С. 120–124.

¹⁰⁶ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994. С. 106–141.

¹⁰⁷ Там же. С. 140.

¹⁰⁸ Психологический словарь. М., 1983. С. 441.

¹⁰⁹ Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 56.

социальные установки личности»,¹¹⁰ т. е. установки – часть содержания ценностных ориентаций. Похоже, несколько иначе понимают ценностные ориентации другие авторы, которые пишут, что социальные установки отличаются от ценностных ориентаций предрасположенностью к определенной психической деятельности,¹¹¹ из чего вроде бы следует отдельная самостоятельная определенность каждого из указанных явлений, поскольку можно разграничивать только явления, не находящиеся в родовидовой зависимости.

Представляется, что ценностные ориентации – такой этап детерминации психики, на котором субъект производит качественную оценку воспринимаемых явлений и явлений, привнесенных с жизненным опытом, с позиций их внутренней субъективной привлекательности. При этом: 1) оценивается существующая система ценностей с позиций субъективной приемлемости и привлекательности; 2) осуществляется оценка ценностей с позиций собственного представления о мире и своем месте в нем; 3) создается собственная система ценностей, которая, во-первых, корректирует в той или иной степени собственную систему ценностей, заложенную в опыте; во-вторых, в той или иной степени деформирует в сознании социальную систему ценностей, приспособлявая ее к своему «Я».

Указанные корректировка и деформация опять-таки во многом зависят от чувственно-опытного представления о себе и своем месте в мире, насколько оно соответствует реальному положению вещей, т. е. базируется на ошибке оценок, которая, как и приведенные ранее, либо исключает ошибку восприятия и становится «ведущей», либо закрепляет прежнюю ошибку (прежние ошибки!), в результате чего происходит дальнейшее наложение, накопление и усложнение ошибок.

Накопление ошибок ценностных ориентаций не проходит безболезненно для субъекта, поскольку постепенно закладываются основания для появления деформации ценностных ориентаций, которая возникает при накоплении ошибок однонаправленного действия. Под деформацией ценностных ориентаций мы понимаем максимальное отклонение ценностных ориентаций субъекта от допустимых человеческой общиной вне зависимости от политических ориентаций; несмотря на всю неопределенность понимания допустимых ценностных ориентаций, в принципе они весьма просты, элементарны: принятие ценностей жизни и здоровья, труда, быта, экономического благополучия и проведения досуга – именно вокруг них вращаются все человеческие устремления и вся человеческая деятельность.

Ошибки однонаправленного действия бывают двух видов: а) ошибки гиперзначимости социальных ценностей и б) ошибки гипозначимости их. Ошибки гиперзначимости возникают тогда, когда субъект переоценивает влияние официальной системы ценностей на общество и руководствуется в своем поведении только ею. Деформация ценностных ориентаций субъекта при максимальном накоплении ошибок гиперзначимости выливается в конформизм – признание единственно правильной официальной системы ценностей и следование в своей деятельности только ей.

Думается, прав И. С. Кон, говоря о том, что человек не рождается конформистом, он становится им под влиянием группового давления;¹¹² что это групповое давление тем сильнее, «чем важнее для индивида принадлежность к данной группе, чем строже групповая дисциплина»,¹¹³ и что «человек может обнаруживать высокую степень конформности в одной роли и достаточную степень независимости – в другой... Однако, когда склонность к конформизму обнаруживается устойчиво и не в одной, а в нескольких различных ролях, ее можно рассматри-

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979. С. 62.

¹¹² Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 89.

¹¹³ Там же. С. 90.

вать и как некоторую личностную черту».¹¹⁴ Именно эта устойчивая личностная черта и понимается нами как деформация гиперзначимости, как конформизм в абсолютном значении данного слова. Прекрасно показал социальную сущность такой деформации А. Моравиа в своем романе «Конформист».

Ошибки гипозначимости прямо противоположны первым и заключаются в недооценке, преуменьшении значения официальной системы ценностей. Деформация ценностных ориентаций при накоплении таких ошибок приводит к абсолютному нигилизму, отрицанию официальной системы ценностей. В целом неприемлемы оба вида деформации. Однако с позиций существующего правопорядка более неприемлем нигилизм, который, с одной стороны, довольно часто и необоснованно революционизирует ситуацию в обществе, а с другой – ведет к правонарушениям и в том числе к преступлениям. Именно ошибки гипозначимости должны ложиться в основу правовых исследований личности преступника. Тем не менее конформизм также должен быть учтен правоведами: например, наказание призвано исправлять виновного, что вовсе не означает превращение его в конформиста, т. е. действие наказания должно быть строго дозировано.

При определении конформизма или нигилизма возникает странная ситуация, связанная с тем, что субъект макросистемы (государства, общества) входит еще и в ту или иную микросистему. При таком положении вещей ценностные ориентации субъекта претерпевают деформацию сразу двух видов: если по отношению к макросистеме имеется нигилизм, то по отношению к микросистеме – конформизм, и наоборот. Особенно наглядно просматривается это на примерах политического и религиозного фанатизма, когда субъект не признает официальную систему ценностей, но не критично относится к ценностям микросреды.

При накоплении ошибок иногда происходит их конфликт, т. е. возникают ошибки оценок разнонаправленного характера: и гипер-, и гипозначимости применительно к различным социальным функциям человека. Скорее всего, при этом ценностные ориентации в определенной части нормализуются.

Похоже, что деформация ценностных ориентаций имеет место на последней стадии социальной детерминации психики, когда субъективно-привлекательные представления о ценностях закрепляются и человек уже готов действовать с учетом закрепленных ценностных ориентаций. Разумеется, на данном этапе существует не только ошибочное, но и адекватное закрепление ценностных ориентаций.

Однако созданием системы ценностных ориентаций и ее развитием не завершается детерминационная сфера психики. Психология знает еще один ее этап, который называют установкой. Не вдаваясь в теоретический спор о том, есть установка или ее нет, отметим: в психике человека закрепляется нечто субъективно-привлекательное, что осуществляется на базе соответствующих оценок социальных ценностей и соответствующих ценностных ориентаций. Думается, этот субъективно-избирательный подход к оценкам окружающего мира и готовность действовать в направлении субъективно-приемлемого результата никто отрицать не станет, а назовем мы данный феномен установкой или иначе – особого значения не имеет, поэтому в последующем будем оперировать термином «установка», понимая, что, как правильно сказал Ф. В. Бассин, простота определения установки не снимает массы проблем, которые при этом возникают.¹¹⁵

Под установкой Д. Узнадзе понимает «момент ее (психической жизни. – А. К.) *динамической определенности* ... целостная *направленность* его (сознания. – А. К.) в определенную сторону, на определенную активность... *основная изначальная реакция субъекта на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи* (курсив мой. – А.

¹¹⁴ Там же. С. 91–92.

¹¹⁵ Бассин Ф. В. Предисловие // Бжалава И. Т. Психология установки и кибернетика. М., 1966. С. 15.

К.)». ¹¹⁶ По мнению Е. П. Ильина, мотивационную установку «можно рассматривать как латентное состояние готовности к удовлетворению потребности, реализации намерения». ¹¹⁷ В целом это более точное определение установки, хотя в нее следует включать не только саму готовность к удовлетворению потребности, которая уже заложена в самой нужде, но и готовность действовать тем или иным конкретным образом в направлении удовлетворения потребности. Именно поэтому установка – стереотипная готовность действовать конкретным образом в создавшейся ситуации. ¹¹⁸ Таково традиционное понимание установки, и здесь особых разногласий нет.

Однако, похоже, установкой последний этап социальной детерминации психики не ограничивается. Ведь установка заложена и уже существует в определенной мере в предыдущем опыте. Но поскольку социальная детерминация возникает не только из опыта, а и из вновь поступившей информации, в последней мы можем найти и информацию установочного плана, закрепляющую и усиливающую установку; и информацию антиустановочного характера, которая может изменить установку, повлиять на нее. При достаточно мощном слиянии антиустановочной информации, содержащейся в опыте и вновь поступившей, может даже возникнуть новая установка (контрустановка). Таким образом, на данном этапе не только возникает (закрепляется, усиливается) установка, но имеет место и контрустановка. При их столкновении возникает установочная борьба, которая может завершиться укреплением либо усилением прежней установки или возникновением новой установки и переводом ранее существующей в разряд антиустановки, т. е. готовность действовать в новых условиях – это не что иное, как слияние прежнего опыта и оценки вновь поступившей информации.

Именно поэтому нет ничего удивительного в исследовании Р. Лапьера по поводу отношения к китайцам в американских отелях, которое приводит множество авторов: ¹¹⁹ реальная жизнь создает свои установки, которые сегодня побеждают иные установки, однако «законсервированными» последние могут оставаться на вербальном уровне.

У психологов, социологов, криминологов наибольший интерес вызывает именно эта сторона борьбы установок, заключающаяся в возможности изменения антисоциальных установок личности. По мнению некоторых, «напряженность социальной установки зависит от уровня нормативной повелительности в отношении определенных аспектов поведения – ужесточение санкций приводит к понижению установки в силу ослабления саморегулятивных функций диспозиций и повышения внешнерегулятивных». ¹²⁰ С подобным отношением к изменению установки вряд ли можно согласиться. Во-первых, едва ли правильно говорить о более низкой («понижении») и более высокой установках, поскольку подобное ничего не дает в плане социальной оправданности установки: всем известно, что самая «высокая» просоциальная установка существует при конформизме, однако трудно считать ее социальным благом. Лучше использовать степень деформации социальной установки личности, признав максимальную степень деформации всегда (по крайней мере, до тех пор, пока на земле ни установится рай) социально неоправданной. Иные степени деформации социальных установок следует рассматривать только в плане ошибок гипозначимости, поскольку ошибки гиперзначимости, как правило, ведут к просоциальному поведению. Во-вторых, авторы предлагают решение абсолютно непригодное – снять проблему деформации установки через ужесточение санкций. Правоведы постоянно с этим сталкиваются и точно знают, что ужесточение санкций не дает сколь-нибудь значимого эффекта. По крайней мере, уже с XIX в. социологически доказано, что вве-

¹¹⁶ Цит. по: Бжсалава И. Т. Указ. соч. С. 37.

¹¹⁷ Ильин Е. П. Указ. соч. С. 146.

¹¹⁸ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 708; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. М., 1989. С. 105; Еншкеев М. И. Основы судебной психологии. М., 1982. С. 36; и др.

¹¹⁹ См., напр.: Магун А. С. История исследований социальных установок аттитюдов // Хрестоматия по социальной психологии. М., 1994. С. 162; Васильев И. А., Магомед-Эминов М. Ш. Мотивация и контроль за действием. М., 1991. С. 67; и др.

¹²⁰ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979. С. 66.

дение смертной казни за какой-либо вид преступления не уменьшает количества таких преступлений в обществе, а исключение смертной казни из системы наказаний не влечет за собой увеличения количества преступлений, за которые ранее была установлена высшая мера наказания.¹²¹ Иными словами, ослабление или усиление санкций не изменяет социальных установок. Мало того, мы знаем, что при относительно одинаковых системах и законодательстве преступность в одних странах (например, США) гораздо выше, нежели в других (например, Японии), что свидетельствует о большей деформации социальных установок в первых по сравнению со вторыми. В-третьих, авторы упустили из виду, что ранее они выдвигали в качестве решающего фактора формирования установок образ, а не уровень жизни, именно образ жизни¹²² при примерно одинаковом уровне жизни в США и Японии делает более уязвимыми США. Правоведам известно также, что никакое ужесточение санкций не способно изменить образа жизни. Об этом свидетельствует, например, безрезультатность борьбы с бродяжничеством во многих странах мира, подчас с разными социальными системами. И поскольку образ жизни – система потребностей, ценностных ориентаций, установок и т. д., санкциями их изменить нельзя.

В целом возможность изменения установок лежит за рамками нашего исследования, поэтому мы согласимся с традиционной, на наш взгляд, позицией, согласно которой социальные установки изменяются путем изменения окружающей среды и воспитания, через которое усиливается самоконтроль личности. Именно в таком порядке главным образом следует менять несправедливые, неоправданные социальные порядки, а уж потом воспитывать. Хотя нужно признать, что указанные факторы не связаны друг с другом: в самых несправедливых социальных условиях настолько глубоко «промывают мозги» (манипулируют сознанием) и настолько широко внедряют конформизм, что основной части населения общество представляется идеальным, т. е. воспитание заменяет собой улучшение условий и подчас довольно успешно.

До сих пор мы лишь мимоходом упоминали предшествующий социальный опыт, однако есть смысл чуть шире посмотреть на данный феномен.

Социальный опыт человека весьма сложен по своей структуре, поскольку включает в себя и собственно поведение человека в окружающей среде, и его подготовку всеми сферами психики человека, в том числе сферой социальной детерминации психики. При этом необходимо помнить, что в социальном опыте субъекта фиксируется множественное повторение психического и физического поведения со всеми ошибками и их преодолением или закреплением. Вместе с тем социальный опыт и его отражение в психике не одно и то же. Ведь человек применительно к ситуации берет не весь социальный опыт, а только ту его часть, которая имеет непосредственное отношение к ситуации. Мало того, даже из этой части довольно часто субъект берет не все, а лишь то, что с его позиций является наиболее привлекательным. Поэтому введенный в психику образ жизненного опыта, как правило, уже усечен, т. е. в чем-то ошибочен.

Говоря о социальной детерминированности психики, социальном опыте и его отражении в психике, мы имеем в виду познание и память как его элемент, что достаточно широко представлено в психологии. Сама теория познания слишком сложна и многообразна, чтобы походя рассмотреть ее, поэтому мы максимально сузим предмет исследования. Прежде всего, необходимо уточнить само понятие памяти. В философии общепризнанно определение памяти как способности к воспроизведению прошлого опыта, одному из основных свойств нервной системы, выражающемуся в способности длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и реакциях организма и многократно вводить ее в сферу сознания и поведения.¹²³

¹²¹ Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. СПб., 1896. С. 40–41.

¹²² Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. С. 62.

¹²³ Философский энциклопедический словарь. С. 475.

Однако психологи несколько корректируют данное определение. «Память рассматривается здесь не как изолированная функция, а как часть процессов отражения внешнего мира в нашем сознании, которые мы обобщенно называем когнитивными процессами. В таком понимании она представляет собой необходимый компонент познавательной деятельности. Таким образом, память обеспечивает не только воспроизведение, но и восприятие поступающей информации».¹²⁴ Более глубинное представление о памяти заложено и в традиционном определении памяти, отраженном в психологии: «Память – процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания».¹²⁵

Скорее всего, рассмотрение памяти в качестве процесса по сохранению и воспроизведению опыта является достаточно верным. И. Хофман не совсем точен в другом: во-первых, он считает, что память обеспечивает воспроизведение, но при использовании термина «обеспечивает» автор разрывает память и воспроизведение, придавая им самостоятельный характер, тогда как воспроизведение опыта – одна из функций памяти; во-вторых, благодаря указанному, он придал воспроизведению и восприятию статус одноуровневых понятий, чего делать не следовало, поскольку очевидно отнесение восприятия к познанию оперативной, текущей, сиюминутной информации, а воспроизведения – к прошлому опыту; в-третьих, как уже выше было продемонстрировано, память обеспечивает не только восприятие оперативной информации, но и иные этапы детерминации психики: ценностные ориентации, установочную борьбу; об этом верно написал Л. Р. Хаббард: «Он (аналитический ум. – А. К.) постоянно проверяет и взвешивает новый опыт в свете старого, формулирует новые выводы в свете старых, изменяет старые выводы...»¹²⁶ Именно поэтому о социальной детерминации психики в полном объеме можно говорить только с позиций постоянного столкновения оперативной информации и прошлого опыта, воспроизведенного памятью, это столкновение происходит на всех этапах социальной детерминации психики, за исключением отражения, поскольку до восприятия (усвоения) субъекту нет надобности лезть в память за прошлым опытом; прошлый опыт, похоже, нужен человеку лишь после усвоения оперативной информации для определенного сравнения, сопоставления, установления степени необходимости информации.

На основании изложенного сферы социальной детерминации психики могут быть представлены следующим образом (рис. 5).

¹²⁴ Хофман И. Активная память. М., 1986. С. 12.

¹²⁵ Психология: Словарь. М., 1990. С. 264.

¹²⁶ Хаббард Л. Р. Дианетика. М., 1993. С. 62.

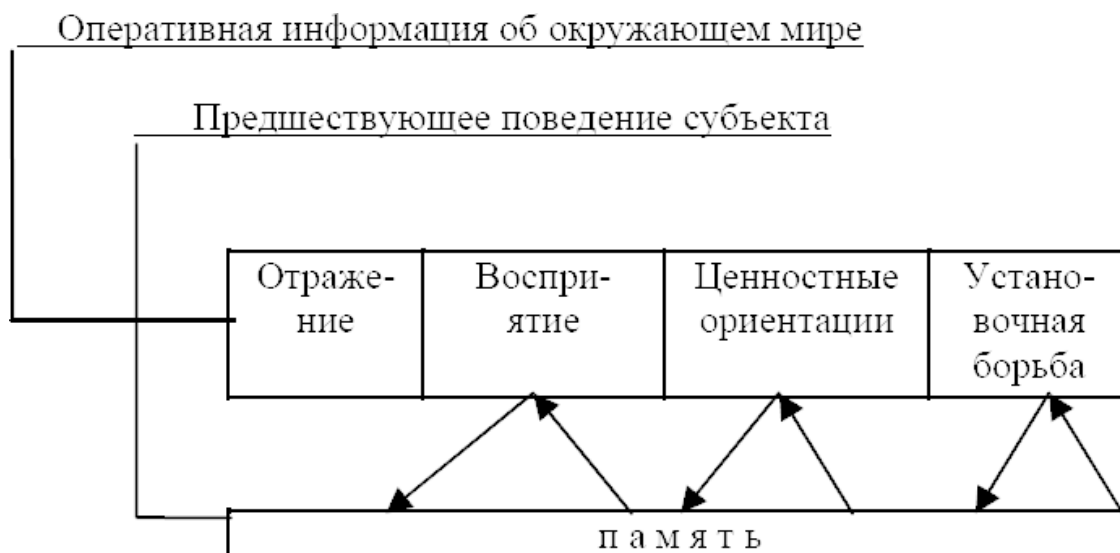

Рис. 5

Сравнение сфер мотивационной и социальной детерминации психики показывает, что они раскрывают различные стороны психики, что каждая из них специфична. С этим не все психологи согласны. «Подход этих исследователей (Дж. Айцена и М. Фишбайна. – А. К.) привел к фактическому совпадению понятия установки с понятием мотивации. Важным является тот факт, что разработка понятия установки привела к конвергенции между социально-психологическим и мотивационно-психологическим развитием моделей. Данный подход дает возможность проводить различие между мотивацией и контролем за действием». ¹²⁷ Ни данный подход, ни его аргументация не убеждают в приемлемости слияния установки и мотивации: во-первых, спорен сам вывод о проведении разграничения между мотивацией и контролем за действием, поскольку следует различать только одноуровневые понятия (нет смысла искать различия между собакой и домом, так как они располагаются на разных уровнях классификации явлений), а пока осталось недосказанным то, что мотивация и контроль за действием – одноуровневые понятия; во-вторых, даже если встать на позиции возможности такого разграничения, остается непонятным, почему нельзя различать мотивацию и контроль за действием без слияния установки с мотивацией.

Думается, установка и мотивация – самостоятельные элементы психики: специфичность установки определяется информацией о *готовности* субъекта к действию в определенном направлении, тогда как специфичность мотивации исходит из информации о *прогнозируемом поведении*, т. е. в основание того и другого явления заложена различного характера информация. Мало того, прогнозируемое поведение может совпадать или не совпадать с установкой субъекта, поскольку установка может быть скорректирована последующей информацией о каких-то обстоятельствах одного направления, а прогнозируемое поведение – иными обстоятельствами в другом направлении. Скорее всего, говоря о соотношении установки и мотивации, следует иметь в виду, что установка в той или иной степени *реализуется* в мотивации.

Однако и данный вывод не столь однозначен. Ведь мотивационная сфера состоит из нескольких этапов, так же из этапов состоит и сфера социальной детерминации психики. Соотношение их отдельных этапов не столь очевидно. В целом эти отношения психология не разрабатывает (по крайней мере, иного нам не встретилось), хотя некоторые сведения по соотношению отдельных элементов имеются. Так, представляется господствующей точка зрения,

¹²⁷ Васильев И. А., Магомед-Эминов М. Ш. Мотивация и контроль за действием. С. 67.

согласно которой установка возникает из столкновения потребностей и ситуации.¹²⁸ «Социальные потребности составляют основу формирования ценностных ориентаций индивида»,¹²⁹ т. е. в качестве первичных явлений выдвигаются потребности и ситуации, ориентации и установка же объявляются вторичным фактором. Едва ли надо соглашаться с этой позицией. Во-первых, коль скоро выделена сфера социальной детерминации психики и установка отнесена к ней, основания возникновения установки нужно искать в пределах этой сферы, кто не согласится с подобным, тот вернется к понятийному хаосу, от которого мы пытаемся уйти. В нашем случае вполне обоснованно установка возникает из всего последовательного развития анализируемой сферы. Во-вторых, окружающий мир вторгается в психику субъекта вне какой-либо связи с интересами или потребностями его, и субъект лишь определяет вначале значимость мира для него и свое место в мире. Только с углублением оценки, созданием своей собственной системы ценностей и ценностных ориентаций субъект начинает свои потребности создавать: потребности базируются на социальной детерминации психики, а не наоборот; ведь нельзя требовать от окружающего мира того, чего он объективно предоставить не может, и эти объективные возможности среды должны быть вначале оценены. Разумеется, могут сказать, что человек издавна мечтал о ковре-самолете, скатерти-самобранке, зеркальце-телевизоре и т. д., выражая нужду в том, чего еще не могла предоставить среда. Однако здесь речь идет о псевдопотребностях, о потребностях-фантамах, о заведомо не реализуемых в условиях места и времени целях и желаниях. В-третьих, мы могли бы согласиться с анализируемой позицией только при одном условии: авторы, говоря о столкновении потребностей и ситуаций, имеют в виду связь между прежними, уже реализованными потребностями (по существу, прежнего опыта) с реально существующей ситуацией (оперативной информацией). Именно здесь закладывается установка и установочная борьба. Сказанное позволяет сделать вывод: первичной является сфера социальной детерминации психики, которая лежит в основании мотивационной сферы.

Достаточно неопределенно изложена и связь установки с целями. Так, «встреча самих мотивов и установок с препятствием может приводить к формированию целей», «установка может быть продуктом трансформации целей», «установка замещается целью, когда действие установочных механизмов оказывается недостаточным».¹³⁰ Можно ли во всем этом противоречивом материале разобраться: то установка создает цели, то изменение целей создает установку; то оказывается, что одно из них (установка) вообще лишнее? Действительно ли так многогранны связи цели и установки?

1. Нужно согласиться с тем, что установка создает цели, но не напрямую, а через потребности, выражением которых цель и становится. В этом плане прав П. С. Дагель: «Мотивы и цели поведения являются выражением социальных или антисоциальных установок личности».¹³¹

2. Установка не может быть продуктом трансформации целей, поскольку иной вывод входит в противоречие с первым выводом и, кроме того, деформирует приоритетность сфер психики, ставя на первое место мотивационную сферу, чего быть не должно.

3. Установка не может быть замещена целью, так как эти явления разноуровневые, разнорядковые, они всегда существуют вместе и одновременно; установка может быть замещена только контрустановкой, иной установкой, но никак не целью; смешение установки и цели ведет к смешению сфер мотивационной и социальной детерминации психики, т. е. все к той же терминологической «каше».

¹²⁸ Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. С. 21–24; и др.

¹²⁹ Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 49.

¹³⁰ Психологические механизмы целеобразования. М., 1977. С. 9.

¹³¹ Дагель П. С. Установление уголовной наказуемости с учетом субъективной стороны общественно опасных деяний // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 139.

Наиболее существенно исследуемые сферы связаны, с одной стороны, на стадии ценностных ориентаций и установок, а с другой – на стадии существования потребностей (цели и мотивы первичного уровня тесно увязаны с потребностями и самостоятельного значения в плане специфичности связи со сферой социальной детерминации психики не имеют) и при принятии решения, где установочная борьба особенно сказывается. На этих этапах личность выступает как совокупность типичных для нее запросов и желаний, именно здесь создаются типичные для личности круг и объем потребностей, которые реализуются типичным для субъекта образом. Вместе с тем именно здесь на фоне установочной борьбы возникают и потребности, и мотивы, выходящие за пределы типичных для субъекта.

Указанная связь является прямой – сфера социальной детерминации психики влияет на мотивационную сферу, последняя же влияет на первую только опосредованно через поведение по реализации потребности в качестве прежнего опыта, заложенного в память, т. е. на следующем уровне социальной детерминации.

Подраздел 3

Потребностно-мотивационные сферы ценностных ориентаций

Полученная при отражении и восприятии информация об окружающем мире, его ценностях и соответствующая их оценка личностью может быть закреплена в двух вариантах. Она может, во-первых, быть оперативной, а во-вторых, остаться не востребованной до определенного времени или навсегда. Последняя информация с прикладной точки зрения нас мало интересует, поэтому обратим особое внимание на первую.

Глава 1

Интерес и потребности: появление ценностных ориентаций

Главным психическим элементом социальная психология признает потребности, поскольку именно их система является основным двигателем человеческого поведения. У каждого человека приоритетность потребностей сугубо индивидуальна, а потому иерархия их у каждой личности будет своя в зависимости от того, какие потребности она ставит на первое место.¹³²

Под потребностями понимается «надобность, нужда в чем-нибудь, требующая удовлетворения».¹³³ В целом такое определение признано наукой¹³⁴ и нужда в чем-то должна быть воспринята как сущность потребности, ее основополагающее свойство. Но углубленное рассмотрение источников освобождает от оптимизма в понимании потребности.

«Потребность – и предпосылка, и результат не только собственно трудовой деятельности людей, но и познавательных процессов. Именно поэтому она выступает как такое состояние личности, посредством которого осуществляется регулирование поведения, определяется направленность мышления, чувств и воли человека».¹³⁵ Подобное толкование, естественно, исходило из представлений основоположников марксизма-ленинизма о потребностях, которые носят объективный, общественный и исторический характер, при этом отражаются в голове и осознаются.¹³⁶ Нельзя спорить с тем, что мышление и поведение человека, как правило, нахо-

¹³² Саморегуляция и прогнозирование... С. 21–22; и др.

¹³³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 507.

¹³⁴ См., напр.: Шафиров В. М. Правовая активность советских граждан. Красноярск, 1982. С. 52; Козаченко И. Я., Бурленко О. С. Корыстный мотив в структуре уголовной ответственности. Свердловск, 1988. С. 8.

¹³⁵ Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 328.

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 376–377; Т. 20. С. 493.

дятся в единстве; в реальной жизни их невозможно разорвать. Но наука все же призвана разложить явление на составные (в нашем случае выделить мышление и реальное поведение) с тем, чтобы более глубоко его познать. Очень важно уяснить точный смысл тех или иных терминов, характеризующих части (элементы) явления. В этом плане не будет исключением термин «потребность». Возможно, философия как наука о бытии имеет право на объединение в деятельности человека мышления и поведения, однако и она должна быть в этом последовательна, чего не наблюдается в приведенном высказывании.

Во-первых, здесь потребность отождествляется с результатом деятельности, следовательно, и с предметом потребности. В то же время философия выделяет в качестве самостоятельных категорий *результат* – «объективно достигнутое состояние, продукт процесса или деятельности»;¹³⁷ и *предмет* – категорию, обозначающую «некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности или познания».¹³⁸ Все-таки потребность, результат, предмет потребности – это одно и то же, или они представляют собой самостоятельные, хотя и связанные друг с другом категории? По-видимому, если бы они были синонимами, то не было бы никакой необходимости в их раздельном рассмотрении философией.

Нельзя согласиться и с тем, что «они (потребности. – А. К.) объективны уже в том смысле, что существуют вне сознания, как отношение между субъектом потребностей и их объектом»,¹³⁹ при этом автор признает потребность и психическим состоянием.¹⁴⁰ Существует ли потребность вне сознания или это состояние психики, она – психическое состояние или объективное отношение? А. К. Уледов, автор цитаты, не решил этого вопроса и в конечном счете не предложил определения потребности: «Дать сколько-нибудь исчерпывающее определение понятия потребности до разработки общей теории потребностей довольно трудно. Это дело будущего».¹⁴¹ Представляется, автор поскромничал: на основе выдвигаемой им субъективно-объективной терминологической «каши» в принципе нельзя точно и ясно определить потребность.

Во-вторых, в определении заложено противоречие, которое заключается в том, что потребность признается результатом деятельности, т. е. объективной категорией, и в то же время она выступает как состояние личности, определяющее направленность мышления, чувств и воли человека, т. е. чисто субъективная категория.

Указанное понимание потребности как объективной категории воспринято экономической¹⁴² и правовыми науками. Так, И. Я. Козаченко и О. С. Бурлева пишут: «Но большинство авторов справедливо обращает внимание на *объективный* (курсив мой. – А. К.) характер потребности, которая социальна (читай – материальна. – А. К.) по содержанию и является психологическим феноменом – по форме».¹⁴³ Данный вывод авторов представляется надуманным, поскольку философия определяет форму как способ существования и выражения содержания,¹⁴⁴ а содержание, по мнению самих авторов, носит социальный (материальный) характер; отсюда у материального содержания не может быть идеального способа *существования*.

Высказывание об объективном характере потребности вообще противоречит теории права, поскольку нам не встретилось ни одного исследования объективных признаков право-

¹³⁷ Философская энциклопедия. Т. 4. С. 483.

¹³⁸ Философский энциклопедический словарь. С. 525.

¹³⁹ Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 80.

¹⁴⁰ Там же. С. 79.

¹⁴¹ Там же. С. 81.

¹⁴² Радаев В. В. Потребность как экономическая категория социализма. М., 1970. С. 13.

¹⁴³ Козаченко И. Я., Бурлева О. С. Корыстный мотив в структуре уголовной ответственности. Свердловск, 1988. С. 8; см. также: Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 47; и др.

¹⁴⁴ Философский энциклопедический словарь. С. 621.

нарушения, в котором всерьез и по существу деяние и результат (последствие, вред, ущерб) рассматривались бы с позиций потребностей, в целом теория права и его отраслей соотносит вопрос о потребностях с анализом личности правонарушителя, признавая тем самым потребности категорией субъективной, а не объективной. Именно такой подход представляется нам наиболее оправданным и обоснованным, тогда как отождествление потребности и результата ничего позитивного науке, в том числе и уголовного права, не дает и дать не может, поскольку приводит к размыванию понятийного аппарата, к различному определению и толкованию понятий. Думается, нельзя отождествлять потребность как нужду в чем-либо с удовлетворением этой нужды, с достижением результата – реализацией потребности, с предметом потребности.

В плане соотношения потребности и ее предмета вдохновляет и в то же время несколько обескураживает мнение А. Н. Леонтьева: «До своего первого удовлетворения потребность “не знает” своего предмета, он еще должен быть обнаружен».¹⁴⁵ Вдохновляет потому, что, похоже, автор не смешивает потребность и предмет, мало того, соотносит предмет с уже удовлетворенной потребностью, т. е. предмет – это реализация потребности, что, наверное, является аксиомой. Обескураживает же то, что А. Н. Леонтьев связывает осознание предмета только с уже имевшей место удовлетворенной потребностью. Подобный подход представляется односторонним и не относится ко всем потребностям конкретной личности (например, физиологическим потребностям), иначе говоря, осознание предмета потребности или незнание его напрямую зависят от классификации потребностей.

Большое внимание уделил потребностям Е. П. Ильин, который отрицает признание потребностями тех или иных предметов материального мира,¹⁴⁶ социальных ценностей¹⁴⁷ и считает потребностью «отражение в сознании нужды (нужности, желанности чего-то в данный момент), часто переживаемое как внутреннее напряжение (потребностное состояние) и побуждающее психическую активность, связанную с целеполаганием».¹⁴⁸ Авторская позиция во многом верна. Во-первых, потребность является только психической категорией. Во-вторых, нельзя исключить существования внутреннего напряжения, исходящего из испытываемой нужды. В-третьих, потребность связана с целями, но об этом несколько позже.

Тем не менее кое-что в понимании потребности, предложенном Е. П. Ильиным, настаивает. Прежде всего это относится к пониманию потребности как *отражению в сознании нужды*, при котором нужда существует как объективная категория, только отражаемая сознанием. Автор здесь согласен с большинством психологов и поддерживает традиционное мнение. А зря. Дело в том, что нужды в окружающем мире не существует, в нем есть только определенные предметы, находящиеся в дефиците или профиците, и физиологически необходимая деятельность (совершенно прав Е. П. Ильин, выводя нужду за пределы дефицита,¹⁴⁹ поскольку может возникать нужда даже в ликвидации профицита – вспомним «Бостонское чаепитие»). Именно поэтому нужда существует только в качестве психической категории, как внутреннее переживание дискомфорта и его изменения в необходимом направлении в связи с дефицитом, профицитом предметов материального мира или неудовлетворительной физиологической деятельностью. В определенной части прав С. И. Ожегов, отождествляя нужду с потребностью, но совершенно не прав он при отождествлении нужды с дефицитом,¹⁵⁰ поскольку дефицит

¹⁴⁵ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 190.

¹⁴⁶ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000. С. 24–25.

¹⁴⁷ Там же. С. 25–28.

¹⁴⁸ Там же. С. 38.

¹⁴⁹ Там же. С. 22–23.

¹⁵⁰ Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 339.

является основанием возникновения нужды, как и профицит. Отсюда потребность и есть сама нужда.

Кроме того, вызывает сомнение определение потребности как *побуждающей* категории, что сразу ставит вопрос о соотношении мотива и потребности. Приведенное высказывание Е. П. Ильина свидетельствует об отождествлении им мотива и потребности, что едва ли приемлемо.

Классификация потребностей, как и любая иная, может осуществляться по различным основаниям в зависимости от интересов исследователя, но при этом не должны быть нарушены правила деления понятий, требуемые формальной логикой.

Издавна потребности делятся в зависимости от их *природы* на естественные и созданные обществом (социогенные).¹⁵¹ Данная классификация общепризнана, причем в первый вид включены чисто физиологические потребности (нужда в еде, питье, сексуальном удовлетворении, отправлении естественных надобностей) и биофизические, связанные с местом человека в биосфере (нужда в защите от влияния биосферы – одежда, кров; в повышенной защите и охране в силу половых и возрастных особенностей и т. д.), которые характеризуются тем, что возникают генетически или под влиянием биосферы, но их удовлетворение разрешается в социальном порядке; во второй вид включены потребности, социально вызываемые и социально удовлетворяемые (потребности «бумеранга»).

Выделяют также простые и сложные потребности, к простым относят «максимально конкретные и дезинтегрированные потребности в простых потребительских свойствах удовлетворяющих... благ», а все остальные – к сложным.¹⁵² Думается, автор хотел сказать с элементами новаторства о тех же естественных и созданных обществом потребностях, однако предложенная классификация не выдерживает критики в силу обилия оценочных неконкретизированных формулировок («максимально конкретные», «простых потребительских свойствах» и т. д.), что приводит к аморфности классификации и ее неприемлемости.

В специальной уголовно-правовой и криминологической литературе в связи с поиском субъективных оснований асоциального поведения личности тоже так или иначе классифицируют потребности. Одной из основных (если не основной!) является классификация, предложенная В. Н. Кудрявцевым, по мнению которого можно выделить четыре степени потребностей: «1) жизненно необходимые потребности, обеспечивающие “минимум условий существования человеческого организма”;¹⁵³ 2) нормальный стандарт потребностей, присущий данному социальному типу личности; 3) такой объем потребностей, который будет обеспечен в перспективе, но удовлетворение которого еще не стало общественной нормой; 4) извращенные потребности, удовлетворение которых объективно противоречит развитию личности и интересам общества».¹⁵⁴ Непонятно место извращенных потребностей в указанной системе: либо это самостоятельный класс, абсолютно отдельный от остальных (требование любой классификации); либо они представляют собой потребности первых трех степеней, но только извращенные; в последнем варианте классификация становится неприемлемой. Можно предположить, что В. Н. Кудрявцев имеет в виду первый вариант, поскольку первые три степени относит к гармоничной личности, тогда как четвертую к ней не относит. По существу, автор выделяет социально обоснованные и извращенные потребности, кроме того, дифференцирует подвиды социально обоснованных потребностей (первая, вторая и третья степени), т. е. на одном уровне производит классификацию двух уровней, чего делать не следовало. В. Н. Кудрявцев и сам понимает условность предложенной классификации, поскольку утверждает, что три первые

¹⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 720; Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974; и др.

¹⁵² Сибирцев В. А. Измерение общественной полезности. Красноярск, 1991. С. 56.

¹⁵³ Джекебаев У. С. О социально-психологических аспектах преступного поведения. Алма-Ата, 1971. С. 49.

¹⁵⁴ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 105.

степени входят в рамки гармоничного развития личности,¹⁵⁵ хотя при этом остается неясным, как может развиваться гармонично личность на уровне жизненно необходимых, практически физиологических, потребностей, если личность характеризуется только ими.

Кроме того, В. Н. Кудрявцев выделяет *искаженные* потребности двух видов: дисгармоничные и деформированные.¹⁵⁶ При этом остается неясным соотношение искаженных и извращенных потребностей: тождественны они или нет. Ответ на данный вопрос очень важен, поскольку благодаря ему можно более точно охарактеризовать предыдущую классификацию. Н. А. Барановский несколько уточняет данную позицию и выделяет три вида потребностей: 1) нормальные (социально одобряемые); 2) деформированные нормальные, которым в процессе их удовлетворения соответствуют социально порицаемые объекты; 3) извращенные потребности, удовлетворение которых социально порицаемо.¹⁵⁷ Последняя позиция более приемлема, хотя предложенная классификация потребностей не совсем точна в связи с нарушением правил формальной логики, поскольку автор выделяет три вида потребностей как одноуровневую классификацию, тогда как фактически он предлагает двухуровневую классификацию: делит потребности на нормальные и деформированные, а деформированные, в свою очередь, – на деформированные нормальные и деформированные извращенные.

Тем не менее все предложенные классификации вызывают сомнения. Так, малоубедительно деление искаженных потребностей на дисгармоничные и деформированные (деформированные нормальные и извращенные). К дисгармоничным (деформированным нормальным) относят потребности, в которых нарушено исторически определенное соотношение между их отдельными видами (например, материальные потребности подавляют духовные).¹⁵⁸ Действительно, подобные потребности несколько изменяют ценностные ориентации субъекта, однако эти изменения происходят в рамках существующих социально полезных ценностей, за их пределы не выходят и с точки зрения общественных оценок должны признаваться социально оправданными, по крайней мере, социально безразличными. Указанное хорошо видно на примере изменения ценностей в новом УК по сравнению с ранее действующим: если по старому УК на первое место ставились идеологические ценности – советская власть, советское государство, социалистическая собственность, то в новом законе они отсутствуют полностью либо поменяли свою приоритетность: на первое место в системе ценностей выдвинута личность, т. е. в системе социальных ценностей они изменили свои места, что вовсе не означает дисгармоничности тех или других, соответственно, изменение ценностных ориентаций в рамках социально признаваемых ценностей не должно влечь за собой социального порицания и именно поэтому выделение «дисгармоничных» потребностей бессмысленно.

Несколько иначе обстоят дела с деформированными (извращенными) потребностями, которыми признают гипертрофированное или извращенное изменение отдельных ценностей. В качестве примера В. Н. Кудрявцевым приведена схема потребностей и интересов лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления: стремление к насилию над окружающими – 42 % всех потребностей, стремление властвовать – 7 %, эгоцентризм – 6 %, стремление к превосходству над окружающими – 10 %, иные интересы – 10 %, стремление к самоутверждению – 25 %.¹⁵⁹ Данный пример вовсе не убеждает в том, что указанные потребности носят деформированный характер. Во-первых, неизвестно, что скрывается за «иными» интересами, в чем заключается их деформированность. Во-вторых, основная масса перечисленных потребностей носит социально нормальный характер: стремление к превосходству, стремление к вла-

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. С. 161–162.

¹⁵⁷ Барановский Н. А. Потребности и мотивы агрессивного преступного поведения // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 170.

¹⁵⁸ Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 161–162.

¹⁵⁹ Там же. С. 164.

сти, стремление к самоутверждению, эгоцентризм суть обычные потребности многих членов общества (представителей культуры, искусства, науки, политики и иных граждан). Достаточно почитать, например, Ф. Ницше, чтобы убедиться в этом: «Когда я, без перерыва, писал только вещи первого ранга, каких никто не создавал ни до меня, ни после меня с ответственностью за все тысячелетия после меня». ¹⁶⁰ И дело не в том, что Ф. Ницше провозгласил культ сверхчеловека, он просто объективно прав. Конечно, не все так прямолинейно эгоцентричны: кто-то, как Ницше, напрямую пишет о своей исключительности, кто-то говорит о ней в кругу своих друзей и знакомых или стремится ее каким-то образом проявить, кто-то кричит о ней в себе. Очень похоже на то, что все талантливые люди, особенно гении, имеют ярко выраженные стремления к превосходству, самоутверждению, эгоцентризму. Ведь если только человек скажет себе, что он такой, как все, он «похоронит» свою индивидуальность, он станет таким, как все; он усреднит свои знания и умения и ничего оригинального создать не сможет. Согласно последним исследованиям Р. Райта, изложенным в книге «Нравственные животные», эгоизм, альтруизм, ревность, агрессивность имеют прочную генетическую основу. ¹⁶¹ О научной истинности подобного неспециалисту судить трудно, однако это очень похоже на истину. В-третьих, единственное, в чем можно согласиться с В. Н. Кудрявцевым, – это стремление к насилию над окружающими, которое в чистом виде выступает как деформированная потребность – насилие ради насилия в жизни встречается. Однако настораживает его большое количество (42 %). Могут возразить, что В. Н. Кудрявцев и другие авторы под стремлением к насилию понимают не насилие ради насилия, а нечто более широкое по объему, свойственное всем насильственным актам, отсюда и столь высокие цифры. В таком случае, скорее всего, исследователи не смогли четко определиться в потребностях по данной категории лиц. Учитывая, что к изучаемой категории лиц отнесены субъекты, совершившие убийства, хулиганства, причинившие телесные повреждения, ¹⁶² можно с уверенностью констатировать, что при убийствах и телесных повреждениях насилие ради насилия встречается исключительно редко, лишь у своего рода маньяков; судебная практика тому свидетель.

Возьмем убийства, они совершаются из мести, ревности, корыстных побуждений и т. д. Означает ли это, что во всех случаях убийства имеется потребность в виде стремления к насилию? Конечно, нет. В одних случаях потребностью является восстановление справедливости, в других – утверждение своего достоинства, в третьих – экономическое благополучие, в четвертых – эгоцентризм и т. д. Насилие во всех этих случаях – лишь один из путей реализации первичной потребности, но не сама потребность. На наш взгляд, в качестве указанной потребности может выступать лишь насилие ради насилия, именно так следует, очевидно, понимать стремление к насилию.

При хулиганстве подобное вроде бы должно иметь место гораздо чаще, но это на поверхности. Более глубокое изучение хулиганства показывает превалирование иных потребностей, нежели насилие ради насилия (эгоцентризма, стремления к превосходству, стремления к самоутверждению и т. д.). По крайней мере, исследователи хулиганства, как правило, даже не указывают насилия ради насилия ни как потребности, ни как интереса, ни как мотива хулиганства. ¹⁶³

Таким образом, нужно признать: все вторичные потребности делятся на нормальные и деформированные. При этом необходимо помнить, что основная масса потребностей носит нормальный характер, они социально полезны или социально нейтральны и поэтому не могут выступать в качестве асоциальных потребностей. Собственно деформированных потребностей

¹⁶⁰ Ницше Ф. Избранное. М., 1990. Т.2. С. 360.

¹⁶¹ Цит. по: Коваленко Ю. На путь адюльтера нас толкают гены // Известия. 1995. 18 нояб.

¹⁶² Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 163.

¹⁶³ Данышин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 160–161; Саркисов Г. С. Предупреждение нарушений общественного порядка. Ереван, 1972. С. 55–58; и др.

очень немного (стремление к насилию, скотоложству, гомосексуализму, садизму, мазохизму, каннибализму, различного рода «фобии»), только те, которые противостоят природе; но даже деформированные потребности не являются в целом асоциальными, часть их относится к социально нейтральным (стремление к скотоложству, добровольному гомосексуализму в ограниченных законом пределах, добровольному садо-мазохизму в ограниченных законом пределах), и только некоторые деформированные потребности признаются асоциальными и требуют реакции общества на саму потребность.

Однако эта реакция должна иметь, прежде всего, психиатрический характер, а уж после – уголовно-правовой, так как указанное – психические аномалии, заложенные в потребность, но не вина человека. При достаточно высоком уровне аномалий мы говорим о невменяемости, при недостаточно высоком – об ограниченной вменяемости с соответствующими правовыми последствиями – исключением или смягчением ответственности.

Необходимо отметить, что здесь речь идет пока о «первичных» потребностях, о потребностях-первопричинах (на элементарном уровне – нужда в экономической независимости). Именно они, как правило, не носят деформированного характера.

Предложенная классификация лишь в незначительной степени помогает решить задачи криминологии, поскольку напрямую с преступностью связана небольшая часть потребностей. В целом же исследование показывает, что общественная опасность личности создается вовсе не на этапе возникновения и существования потребностей, поскольку преступные намерения могут как созреть при нормальных потребностях, так и не возникнуть при асоциальных деформированных.

Традиционно потребности делят на *материальные* и *духовные*. На наш взгляд, особого значения данная классификация не имеет. Стремление придать духовному приоритет над материальным не является аксиоматичным и не несет в себе позитивного начала. Если говорить о духовном с позиций умножения знаний человека, то в этом плане жертвы высокообразованного серийного убийцы Банди едва ли согласились бы с тезисом высокооблагораживающего влияния знаний. А Библия прямо говорит, что «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»; материальное, как и духовное, – все суета и томление духа.¹⁶⁴ И вообще в Нагорной проповеди превозносится нищета духа: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное... Вы – соль земли».¹⁶⁵ Если под духовным понимать веру в высокие идеалы (Бога, партийные идеи) и стремление к ним, то они не выдержали проверки на социальную значимость, потому что сами эти ценности разрушены либо атеистами, либо самими верующими; различие конфессий влечет за собой массовое уничтожение людей (паписты убивали и убивают протестантов и наоборот, мусульмане убивали и убивают христиан и наоборот, правоверные мусульмане убивали и убивают не совсем правоверных мусульман и т. д. – история верований – это история рек крови, которые текли и продолжают течь по Земле, удостоверяя духовность). Иначе и быть не может, поскольку Библия прямо на это направляет: «И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе; да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их, ибо это сеть для тебя»;¹⁶⁶ «Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена на лоне твоём, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: “Пойдем и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои, богам тех народов, которые вокруг тебя, близких к тебе или отдаленных от тебя, от одного края земли до другого”, то не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывая его; но убей его; твоя рука прежде всех должна быть

¹⁶⁴ Екклесиаст. Гл. 1, Ст. 18; Гл. 2.

¹⁶⁵ Евангелие от Матфея. Гл. 5. Ст. 3, 13.

¹⁶⁶ Библия. Второзаконие. Гл. 7. Ст. 16.

на нем, чтоб убить его, а потом руки всего народа».¹⁶⁷ Могут сказать, что это Ветхий Завет, в Евангелии все не так. Да, в Новом Завете смягчены акценты, но сущность разделяющего людей начала заложена и в нем. «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч; ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее».¹⁶⁸ Еще более жестко в Евангелии от Луки: «Кто не со мною, тот против меня»; «Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником»,¹⁶⁹ т. е. даже семейные узы не устраивают составителей Нового Завета. Не отстает в проявлении подобной «духовности» и Коран: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами... и убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн хуже, чем убийство... и сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а религия будет принадлежать Аллаху...», а все потому, что «Аллах – враг неверным» и «для неверных – наказание мучительное».¹⁷⁰ На этом фоне бездуховность, сиречь атеизм, выглядит величайшим благом.

Ничуть не лучше и приверженность к партийным идеям; история знает великое множество переворотов во благо, когда погибали массы виновных и невиновных и на место одного негодяя приходил к власти другой под прикрытием идеи; история помнит террор якобинцев и жирондистов, социалистический ГУЛАГ и нацистские концлагеря. Еще Платон писал: «Кто приводит своего ставленника на государственную должность, не считаясь с законами, и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом всего государства в целом»,¹⁷¹ т. е. уже 2500 лет тому назад была очевидна разрушающая роль партийных идей. Могут возразить, что во многих странах существует многопартийная система, например, в США демократическая и республиканская партии не разрушают государственности. Верно, но лишь потому, что их программы идейно не расходятся, партийные разногласия носят лишь тактический характер. На этом фоне достаточно вспомнить, насколько дестабилизировало обстановку в США движение «Черные пантеры», идеи которого расходились с идеями государства.

Если духовность выражается в нужде в литературе, живописи, искусстве, музыке, то и здесь не все так однозначно, поскольку именно через них религиозные, партийные и иные идеалы привносятся в сознание людей; не случайно мелодии Вагнера, работы Шопенгауэра и Ницше связывают с нацизмом, поскольку в них заложено эгоцентричное, агрессивное и расовое начало; мы очень хорошо знаем значение терминов «манипуляция сознанием», «промывание мозгов» и очень хорошо понимаем, когда лучше всего показывать по ТВ балет «Лебединое озеро».

Видно, духовные потребности ничуть не лучше и не хуже материальных, и потому об их приоритетности говорить не приходится.

Для нас важно их рассмотрение с несколько иной позиции. Дело в том, что в психологии наряду с потребностями выделяют «интерес» как самостоятельную категорию. В связи с этим возникают некоторые проблемы: понимания интереса, его соотношения с потребностями, особенно с духовными, места интереса в механизме психической деятельности.

Понятие интереса столь же неоднозначно, как и понятие потребности. Все позиции можно условно разделить на две основные. Господствующая точка зрения заключается в том, что интерес рассматривается на двух уровнях: социологическом и психологическом; на первом – это порождение действительности, а не продукт сознания; на втором – рационально-эмо-

¹⁶⁷ Там же. Гл. 12. Ст. 6.

¹⁶⁸ Евангелие от Матфея. Гл. 10. Ст. 34–35.

¹⁶⁹ Евангелие от Луки. Гл. 11. Ст. 23; Гл. 14. Ст. 26.

¹⁷⁰ Коран. Сура 2. Аят 186(190), 187(191), 189(193), 92(98), 98(104).

¹⁷¹ Платон. Законы // Собр. соч. Т. 3. Ч. 2. С. 341.

циональное отношение субъекта к объекту в силу его (объекта) жизненной значимости.¹⁷² Наш взгляд, указанная позиция неприемлема прежде всего потому, что ее сторонники смешивают объективное и субъективное, безосновательно отождествляют интерес субъекта по поводу какого-то предмета, объекта, результата с самим предметом, объектом, результатом, размывая тем самым понятийный аппарат, раздваивая понятийное толкование, без необходимости усложняя теорию, делая малопонятным общение друг с другом (что же авторы имеют в виду, говоря об интересе, – предмет реального мира или отношение к нему субъекта, ведь и то и другое может быть отдельной темой для собеседования вне их взаимосвязи). Особенно удручает бессмысленность подобного подхода, поскольку нет рациональных оснований для терминологического объединения объективного и субъективного; такое объединение не углубляет науку, так как речь идет об одном и том же, но оформленном различными терминами (предмет, интерес); делает науку менее понятной, превращает ее в наукообразие. Если подобное осуществляется для более полной интеграции объективного и субъективного, то это также бессмысленно в связи с тем, что никогда объективное и субъективное не может быть интегрировано абсолютно полно (мой интерес вызвал фонарь на улице – красив, ничего не скажешь, однако это ничего не меняет: мой интерес остается при мне, а фонарь как предмет реального мира остается на улице). Иными словами, сознание и реальность всегда разделены во времени и (или) пространстве, даже в том случае, когда психическая деятельность и реальная жизнь абсолютно тесно связаны (психическая деятельность подталкивает возникновение соответствующего поведения человека), и уже поэтому нет необходимости в терминологическом объединении того и другого.

С другой точки зрения, интерес понимается как субъективная категория, с чем необходимо согласиться. В целом интерес – это «специфическое отношение личности к объекту в силу его жизненной значимости и эмоциональной привлекательности».¹⁷³ Похоже, данное определение достаточно верно отражает сущность интереса, поскольку, действительно, если что-то нас интересует, то только в силу жизненной значимости и эмоциональной привлекательности предмета интереса. Однако предложенное определение носит общий характер, и мы его можем применить с таким же успехом и к потребностям, и к мотивам, и к целям, поскольку все эти категории суть специфическое отношение личности к объекту в силу его жизненной значимости, эмоциональной привлекательности. Отсюда указанное определение следует дополнить какими-то признаками, свойственными только интересу и отделяющими его от смежных психических явлений. И здесь любопытное определение интереса предлагает В. М. Шафиров: «... интересы, которые можно охарактеризовать как осознание потребности или осознанное отношение к потребности».¹⁷⁴ Положительным здесь является то, что автор попытался дать такое определение интереса, которое сразу помогает отграничить его от смежного явления. Однако данную попытку следует признать неудачной, поскольку посылкой для такого вывода служил тезис о том, что интерес не может существовать независимо от потребности,¹⁷⁵ т. е. интерес существует только там и тогда, где и когда имеется потребность. Такая необходимая связь интереса с потребностью едва ли приемлема. С. Л. Рубинштейн, разграничивая интерес и потребность, очень точно отметил, что «потребность вызывает желание в каком-то смысле *обладать* предметом, интерес – *ознакомиться* с ним».¹⁷⁶ Отсюда следует, что интерес и потребность – достаточно самостоятельные явления, что желание ознакомиться с предметом может суще-

¹⁷² Керимов Д. А. Потребность, интерес и право // Правоведение. 1971. № 4; Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 104; Козаченко И. Я., Бурлева О. С. Указ. соч. С. 6–8; и др.

¹⁷³ Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 54; см. также: Енишеев М. И. Основы судебной психологии. М., 1982. С. 36; и др.

¹⁷⁴ Шафиров В. М. Правовая активность советских граждан. Красноярск, 1982. С. 54.

¹⁷⁵ Там же; см. также: Кикинадзе Д. А. Потребности, поведение, воспитание. М., 1968. С. 60.

¹⁷⁶ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. М., 1988. С. 111.

ствовать и вне желания обладать предметом (тот же самый интерес к фонарному столбу), что интересы могут быть либо связанными, либо не связанными с потребностями. В. М. Шафиров потому и не прав, что ограничился при определении интересов только теми из них, которые связаны с потребностями.

В свою очередь С. Л. Рубинштейн предлагает столь же неприемлемое определение: «Интерес – это мотив, который действует в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности».¹⁷⁷ Первый недостаток позиции заключается в том, что интерес отождествляется с мотивом, но об этом разговор впереди; второй – в том же самом слишком общем характере определения.

Существуют в психологии и позиции, существенно сужающие представление об интересе. Так, по мнению К. Э. Изарда, «интерес – позитивная эмоция, она переживается человеком чаще, чем прочие эмоции. Интерес играет исключительно важную мотивационную роль в формировании и развитии навыков, умений и интеллекта. Интерес – единственная мотивация, которая обеспечивает работоспособность человека».¹⁷⁸ Разумеется, в категории интереса в достаточно высокой степени сконцентрированы эмоции, поскольку именно здесь проявляются чувства «нравится – не нравится». Тем не менее интерес – это оценка и форм, и сущности предмета, т. е. в нем содержится и элемент рационального. На наш взгляд, ограничение объема интереса только эмоциями, выбрасывание из структуры психической категории рационального ведет к односторонности его понимания. К. Э. Изард необоснованно отождествляет интерес с эмоцией интереса, отсюда и столь странное определение его. Скорее всего, правы те психологи, которые определяют интерес с позиций жизненной значимости и эмоциональной привлекательности предмета интереса, с позиций рационального и эмоционального.

Какой же признак выступает определяющим для интереса? Думается, ответ на данный вопрос дал С. Л. Рубинштейн, таким признаком является оформление специфического отношения к предмету в желании ознакомиться с ним. Но и этого не достаточно. Ведь интерес представляет собой необходимое выделение предмета из ряда тождественных, однородных или разнородных; личность концентрирует внимание именно на каком-то отдельном предмете, даже стоящем в массе ему подобных. Именно поэтому интерес – *отношение личности к предмету в силу его жизненной значимости и эмоциональной привлекательности путем выделения его из ряда тождественных, однородных или разнородных предметов, выраженное в желании ознакомления с ним*. А можно и короче: *интерес – это жизненно или эмоционально значимое субъективное стремление к ознакомлению с сознательно или бессознательно выделенным предметом*.

Сразу же возникает проблема разграничения интереса и потребности. Как мы показали, С. Л. Рубинштейн вроде бы отчетливо разделил их. Однако выделив желание ознакомления с предметом и, в свою очередь, духовные потребности,¹⁷⁹ автор их не разграничил. А в этом разграничении не все так просто. Например, человек стремится послушать «Реквием» Моцарта. Что собой представляет данное стремление – интерес или потребность? Это желание ознакомиться или желание обладать? В чем выражается желание обладать как духовная потребность? Возможно, желание обладать духовной ценностью суть нужда в усвоении (сделать своим), смысл, сущность, содержание ее, тогда как желание ознакомиться – это проявление интереса, стремление осознать форму духовной ценности. Отсюда и жизненное влияние ценности на человека: для одного она – часть жизненного смысла, для другого – проходной, не запомнившийся фактор. Здесь же намечается и второе разграничение: в динамике психической деятельности сначала возникает интерес человека к предмету, а уж затем желание обладать им. Ведь человек

¹⁷⁷ Там же. С. 112.

¹⁷⁸ Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 2000. С. 105–106.

¹⁷⁹ Там же. С. 108.

сначала в сознании должен выделить предмет из массы и лишь затем стремиться к обладанию им. Именно поэтому мы не можем согласиться с тем, что потребность первична по отношению к интересу,¹⁸⁰ и понимаем, что данное недоразумение возникло только потому, что авторы под потребностью понимают предмет материального мира: вот еще один пример различия в выводах при неоднозначности терминологического толкования. Таким образом, можно сделать вывод, что потребностно-мотивационная сфера в своем развитии начинается с интереса, вторым его этапом является потребность. Однако возникшая потребность вовсе не исключает интереса; интерес к объекту материального мира, на базе которого создается потребность, сохраняется и при возникновении нужды. Схематически это можно изобразить так (рис. 6).

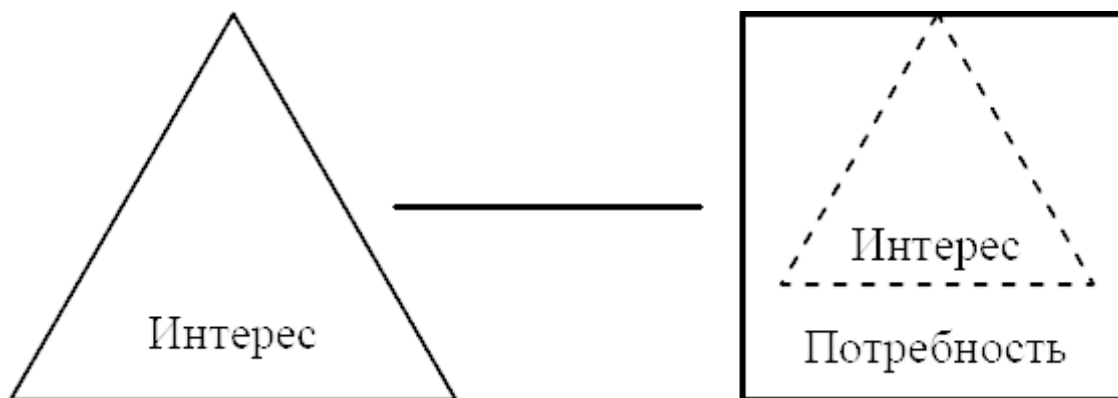

Рис. 6

Феномен «наслоения» элементов мотивации был уже ранее отмечен: «Скорее всего, они наслаиваются друг на друга, образуя с каждым новым элементом (этапом) все более сложное соединение...»¹⁸¹ Правда, при этом автор утверждает, что некоторые элементы могут выпадать из мотивационного цикла¹⁸² однако с этим согласиться трудно, поскольку в таком случае мотивационная сфера утратит свою внутреннюю логику развития, приобретет хаотичный характер, чего в действительности не происходит: человек действует вполне логично, исходя из последовательности и внутренней связи развития психических элементов. Не исключено, что определенные элементы в какой-то степени уменьшают свою актуальность с переходом к последующим элементам и откладываются «на полочке» в подсознании, но исчезать они не могут.

Глава 2

Цель и мотив: развитие ценностных ориентаций

Следующим элементом, который составляет мотивационную сферу, является цель, под ней понимают «непосредственно осознаваемый результат, на который в данный момент направлено действие, связанное с деятельностью, удовлетворяющей актуализированную потребность».¹⁸³ На наш взгляд, предложенное определение имеет недостатки. Во-первых, Р. С. Немов по существу отождествляет цель с результатом, т. е. превращает цель в объективную категорию, поскольку акцентирует определение на результате; расширение определения за счет «непосредственно осознаваемого» ничего в этой ситуации не меняет, поскольку лишь устанавливает, что данный результат носит и субъективную основу; чтобы сконцентрировать внима-

¹⁸⁰ Козаченко И. Я., Бурлева О. С. Указ. соч. С. 9.

¹⁸¹ Лунев В. В. Системный подход к изучению мотивации преступного поведения // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. С. 5.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Немов Р. С. Психология. Т. 1. М., 1994. С. 393.

ние исследователя на психической сущности цели, нужно было говорить о ней как о непосредственном осознании результата, т. е. «сделать упор на осознание», а не на результат. Но и это не разрешает проблемы определения цели, поскольку, во-вторых, термин «непосредственное осознание» носит опять-таки общий характер, через него можно определить и потребность, и интерес, и мотив, и другие психические моменты. В-третьих, автор не прав в том, что устанавливает одновременное («в данный момент») существование цели и действия, направленного на результат; ведь общеизвестно, что действие возникает после принятия решения действовать, а последнее базируется на целеполагании. В-четвертых, очень утяжеляет определение фраза «действие, связанное с деятельностью», более того, она неверна и по существу: как бы авторы ни определяли «деятельность», они не могут не вводить в нее и действие, поскольку деятельность без действия невозможна; именно поэтому действие не связано с деятельностью, а является составной ее частью. В-пятых, не совсем точна и фраза «деятельность, удовлетворяющая... потребность», так как даже если мы в структуру деятельности введем и ее результат, что не столь уж бесспорно, то все равно удовлетворять потребность будет не вся деятельность, а только результат, являющийся целью поведения лица. Очевидно, пренебрежение терминологической конкретностью с необходимостью влечет за собой создание неприемлемого определения.

Несколько более лаконичны и точны другие авторы. Так, целью признается «осознанное, то есть выраженное в словах, предвосхищение будущего результата действия»,¹⁸⁴ хотя и здесь в какой-то мере сохраняется общий характер определения (предвосхищение результата свойственно и потребности, и мотиву, и цели). Существует еще масса других определений, более или менее похожих на приведенные.¹⁸⁵ Самым приемлемым представляется следующее понимание цели: «...образ... внутренняя модель желаемого результата».¹⁸⁶ Достоинства данного определения заключаются в том, что в нем до минимума сведен общий характер применяемой терминологии («образ», «внутренняя модель» предполагают не только предвосхищение, но и создание в сознании формы и содержания результата поведения), четко определена связь цели с потребностями и волей (речь идет о *желаемом* результате), ясно установлен субъективный характер цели (образ, внутренняя модель), оно абсолютно лаконично.

О моменте возникновения цели несколько позже, поскольку решение вопроса связано с соотношением цели и мотива, который еще не исследован. В этом плане очевидным является одно: цель – не что иное, как конкретизированная потребность; при образовании цели абстрактная нужда в чем-то превращается в достаточно ясный и точный образ будущего предмета потребности с достаточно четким представлением о его форме и содержании. Очевидны и различия между целями и потребностями: 1) в потребностях будущий результат проявляется в аморфном состоянии; в целях он конкретизирован в той или иной степени; 2) потребности носят пассивный характер, поскольку выражают лишь нужность чего-то для субъекта («мне это нужно»), тогда как в целях проявляется уже активное начало сознания, подключается воля человека; создавая модель будущего результата в сознании, субъект готовится к принятию решения и делает первый волевой шаг в этом направлении. Остается проблематичным: следует ли конкретизация потребности за самой потребностью или же в процессе психической деятельности между потребностью и целью располагаются иные психические явления (например, мотивы)?

По вопросу классификации целей можно было бы согласиться с тем, что «классификация потребностей есть вместе с тем и классификация целей».¹⁸⁷ Однако мы не должны забывать:

¹⁸⁴ Психологические механизмы целеобразования. С. 5.

¹⁸⁵ Курс советского уголовного права. Л., 1968. Т. 1. С. 446; Ворошилин Е. В., Кригер Г. А. Субъективная сторона преступления. М., 1987. С. 63; и др.

¹⁸⁶ Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 42.

¹⁸⁷ Психологические механизмы целеобразования. С. 9.

цель – это конкретизированная нужда, и благодаря конкретизации нужда в цели обогащается определенными признаками; данная сфера обогащения создает, скорее всего, дополнительные основания для классификации целей. Из сказанного следует, что классификаций целей может быть гораздо больше, нежели классификаций потребностей, и они могут быть гораздо обширнее, глубже и богаче по своим признакам. В то же время едва ли может быть подвергнут сомнению тот факт, что все эти дополнительные классификации должны базироваться на классификациях, исходящих из потребности, поскольку предмет цели – это тот же предмет нужды, хотя и несколько обогащенный признаками.

Классификация целей, как и классификация потребностей, интересует нас лишь с позиций их самостоятельного криминального значения: имеются ли такие цели, которые сами по себе образуют какую-то часть общественной опасности личности и в связи с этим требуют к себе отдельного правового внимания? Решение вопроса может быть найдено на двух уровнях.

Первый уровень – классификация целей, соответствующая классификации потребностей. Здесь мы видим, что нет целей (как и потребностей), которые требовали бы усиления уголовно-правового внимания: в общем цели остаются либо социально полезными, либо социально нейтральными, либо асоциальными и в последнем варианте требуют психиатрического и соответственно более слабого уголовно-правового воздействия. Не случайно еще Н. С. Таганцев писал, что цели не могут служить основанием криминализации в силу возможности достижения одной и той же цели преступным либо не преступным путем.¹⁸⁸ Можно было бы полностью согласиться с ним по решению указанной проблемы, если бы он не ввел исключения из самим же высказанного правила: такая криминализация возможна, когда цель указана в законе; и цель влияет на ответственность. При этом Н. С. Таганцев ссылается на объяснительную записку к Уголовному Уложению: «...сущность каждого преступного деяния определяется намерением, т. е. тем путем, который выбрал для себя виновный. Цель же и план играют дополнительную роль и выдвигаются лишь в случаях, особо законом указанных».¹⁸⁹ С последним утверждением необходимо согласиться, но с некоторой корректировкой: если автор имеет в виду первичную цель, то эта цель постольку связана с уголовной ответственностью, поскольку она находит отражение в невменяемости или в уменьшенной вменяемости; в остальных случаях она должна быть для уголовного права безразличной. Если же автор говорит о других целях, то пока непонятно, откуда они возникают. Никак нельзя согласиться и с двойной меркой относительно криминализации: в общем цели влиять не должны, но если очень хочется, то... Действительно, в Уголовном Уложении 1903 г., как и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. довольно часто указывалась та или иная цель, на основании которой дифференцировалось наказание. Так, в ст. 73, 74 Уголовного Уложения выделена цель «произвести соблазн между присутствующими», в ст. 75 – «с целью помешать отправлению богослужения» и т. д. Однако о чем свидетельствует это указание в законе: о реальном повышении общественной опасности личности в связи с наличием цели и соответствующем изменении наказания или о надуманном подходе законодателя к проблеме? В пользу последнего вывода выступает исключение указанных целей из законодательных актов, регламентирующих правила поведения в светском государстве. Но проблема целей этим не снимается.

В УК РФ цели указаны относительно часто: с целью скрыть другое преступление (п. «к» ч. 2 ст. 105), облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105), использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111), вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или иных антиобщественных действий (п. «е» ч. 2 ст. 152), изъятия у несовершеннолетних органов или тканей для трансплантации (п. «ж» ч. 2 ст. 152), хищения

¹⁸⁸ Таганцев Н. С. 1) Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн.1. Вып. 2. СПб., 1878. С. 39; 2) Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. (1902 г.). М., 1994. Т. 1. С. 241.

¹⁸⁹ Там же. С. 40–41; 242–243.

чужого имущества (ч. 1 ст. 162), получения имущества в крупном размере (ч. 3 ст. 163), получения кредитов, освобождения от налогов, извлечения иной имущественной выгоды или прикрытия запрещенной деятельности (ст. 173), разглашения либо незаконного использования сведений (ч. 1 ст. 183), оказания влияния на результаты соревнования (ч. 1–3 ст. 184), сбыта (ч. 1 ст. 186, ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 234), введения в заблуждение кредиторов (ст. 197), извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам (ч. 1 ст. 201, ч. 1 ст. 202), нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решения органами власти (ч. 1 ст. 205); нападения на граждан или организации (ч. 1 ст. 209), угона (ч. 1 ст. 211), завладения чужим имуществом (ч. 1 ст. 227), потребления наркотических средств (ч. 1 ст. 232), использования их (сведений. – А. К.) в ущерб внешней безопасности (ст. 276), подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ (ч. 1 ст. 281), воспрепятствования осуществлению правосудия (ч. 1 ст. 294), воспрепятствования законной деятельности (ст. 295), дачи ложного заключения или ложного показания, осуществления неправильного перевода (ч. 1 ст. 309), воспрепятствовать его исправлению (ч. 1 ст. 321), его использования (ч. 1 ст. 327), полного освобождения от использования обязанностей военной службы (ч. 2 ст. 339) и т. д.

Анализ предусмотренных законом целей показывает следующее.

Во-первых, вычленение настоящих целей в указанных случаях свидетельствует о том, что они носят обычный человеческий характер (стремление избежать уголовной ответственности, являющееся криминально нейтральным, поскольку обвиняемый не привлекается за дачу ложных показаний, он использует лишь свое право на защиту; либо стремление достичь материальной, служебной или иной выгоды – корысть, карьеризм, эгоцентризм и т. д.; либо стремление к выздоровлению других лиц, скрытое под использованием или изъятием органов при трансплантации и тому подобные цели) и потому в силу своей социальной полезности или нейтральности не могут иметь особого криминального значения. Характерна в этом плане цель извлечения выгод и преимуществ для себя (ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 199 УК) как конструирующий признак преступления. Хочется спросить законодателя, а для чего должен жить человек, для всеобщего счастья? Так общество уже это неоднократно проходило, и успешными данные попытки признать нельзя. Особенно любопытно здесь признание законодателем криминально значимой цели изъятия или использования органов или тканей для трансплантации: на первый взгляд все выглядит ужасно – убивают человека для его расчленения, для удаления каких-либо органов из его тела; но как только мы скажем, что эти органы нужны для выздоровления других лиц, так сразу этот суперкриминальный ужас уходит, оставляя место озабоченности обычным криминальным явлением – «убийством», хотя бы и ради выздоровления других лиц; и весьма проблематично – менее или более опасно такое убийство по сравнению с убийством из ревности, мести и т. д. Другое дело, что за подобным скрывается цель каннибализма, религиозного жертвоприношения, преступной наживы, наживы через убийство, именно это вызывает омерзение. Тогда давайте отделим зерна от плевел.

Во-вторых, некоторые цели в законе сформулированы так, что главным утяжеляющим ответственность свойством выступает не субъективный момент, а объективный (крупный размер, посягательство на объект более высокой социальной значимости и т. д.), и только формулирование законодателем преступлений с усеченной и формальной диспозицией, а также желание отграничить преступления друг от друга по объективным признакам приводят его к отражению данных объективных признаков через субъективный момент – цель, тогда как ничто не мешает законодателю создавать нормы с материальной диспозицией и прямо указывать на объект и объективные признаки (например, «с посягательством на общественную безопасность», «с угрозой причинения крупного ущерба» и т. д.), которые исключили бы необоснованное применение цели в качестве конструирующего или квалифицирующего признака в связи с их неправильным пониманием.

Хотя надо признать, что в отдельных из приведенных случаях («с целью получения имущества в крупном размере») применение цели формально выдержано, поскольку речь идет о конкретизации потребности – стремлении к крупному размеру имущества. Однако сущностное указание на цель лишено смысла, так как на этапе целеполагания еще нет выбора преступного или преступного поведения – это прерогатива этапа принятия решения, который имеет место после целеполагания, иное бы выглядело крайне странно, и уже поэтому цель криминально не значима. Однако опять-таки необходимо уяснить, что и здесь речь идет о первичных целях, об образах, моделях первичных потребностей.

Традиционно в психологии и других отраслях науки выделяют проблему множественности целей, когда человек ранжирует в зависимости от личностной значимости все цели, возникающие в связи с одной потребностью. Именно здесь необходимо помнить о конечных и промежуточных целях. Под конечной целью понимают модель желаемого результата, с которым связана потребность. Промежуточные цели – это модели желаемых незначимых для субъекта результатов, без достижения которых невозможна реализация конечной потребности. Таким образом, промежуточные цели – не что иное, как этапы, ступеньки к конечной цели, а достигнутые по ним результаты – этапы достижения результата, к которому стремится субъект. В то же время следует помнить и о том, что промежуточные цели возникают совершенно в иных условиях по сравнению с конечными, и об этих условиях речь пойдет несколько позже. Применительно же к конечной (первичной) цели проблема на самом деле достаточно проста, и в ее решении мы должны выбрать один из двух логически бесспорных вариантов: признаем, например, цель получения выгоды либо асоциальной категорией и в связи с этим усиливаем криминализацию и повышаем ответственность; либо социально полезной или социально нейтральной, и тогда она не должна иметь, очевидно, никакого правового значения. Исключением является влияние цели на невменяемость и уменьшенную вменяемость. Третий путь, предложенный действующим законом, в основе своей не имеет ничего общего ни с психологией, ни с формальной логикой; и традиционность подобного подхода не исключает неоправданности его; мало того, традиционность подхода свидетельствует о том, что, во-первых, психология в указанном вопросе не сделала за прошедшие 120 лет сколько-нибудь заметных шагов вперед, которые повлияли бы на юриспруденцию, и, во-вторых, юристы как не принимали во внимание методологические положения психологии и формальной логики 120 лет тому назад, так игнорируют их и сейчас.

Почему же все-таки существует в законе этот третий путь? Логически ответить на вопрос весьма сложно. Представляется, что первичные (конечные) цели иногда указываются в законе лишь потому, что законодатель стремится более глубоко дифференцировать виды преступлений, однако объективные признаки их весьма часто совпадают (завладение имуществом другого лица – это и кража, и угон, и самоуправство), и чтобы уточнить квалификацию, законодатель добавляет в норму субъективные признаки, в том числе и цель, не придавая вместе с тем ей криминального значения (например, сопоставление ст. 158 и 166 УК показывает, что указание в ст. 166 УК на признак «без цели хищения» ведет лишь к усилению санкции, но не к ее ослаблению, т. е. цель – разграничительный признак, имеющий обратное значение, поскольку хищение более опасная категория из всех посягательств на собственность, соответственно, и поставленная цель должна быть более криминально значима; в указанном же сравнении все обстоит наоборот: отсутствие цели хищения усиливает санкцию). Неоправданность такого подхода очевидна, поскольку закон дает основание для документальных толкований целей как социально опасных, тем не менее у законодателя подчас нет других путей дифференциации видов преступлений или он их просто не видит.

Второй уровень – дополнительная классификация целей на основе обогащения потребности, на наш взгляд, также не должна выделять целей, к которым требовалось бы усиление уголовно-правового внимания, поскольку уточнение формы и содержания желаемого предмета

в сознании человека не может изменить сущности цели (социальна или асоциальна она). Подход к данной классификации тот же, что и к классификации первого уровня. Вероятно, на этапе целеполагания еще нет общественно опасной личности и цели не могут создавать общественно опасную личность.

Следующим психическим элементом является мотив, которому придается существенное значение и в уголовном праве, и в криминологии. В целом определения мотива, предложенные психологией и правовыми теориями, особым разнообразием не отличаются: все сходятся на том, что мотив – это побуждение человека к действию.¹⁹⁰ Благодаря побуждению предшествующая психическая деятельность, имевшая более пассивный, нежели активный характер, становится более активной; психическая деятельность лица характеризуется не только стремлением к какому-то результату, но и пониманием необходимости вложить определенные усилия в достижение результата, внедрением в сознание необходимости поведенческой реакции на стимул.

Некоторые авторы пытаются расширить понятие мотива путем включения в определение социальной детерминации побуждения: мотив – это «сформировавшееся под влиянием социальной среды и жизненного опыта личности побуждение» к действию.¹⁹¹ С указанным дополнением согласиться можно, но пока вопрос о социальной обусловленности мышления находится за рамками нашего внимания. Другие же считают мотив объективной категорией, признают мотивами реальные предметы.¹⁹² Это та же попытка объективизации психических процессов, о которой мы уже писали применительно к потребности. Разумеется, можно признать, что предмет объективного мира побуждает к действию, поскольку существует нужда в нем. Однако сам предмет не несет в себе ни потребности, ни мотива; он просто существует как таковой; потребности, цели, мотивы возникают в сознании человека и лишь реализуются в предмете. Критически относятся к объективизации психических процессов Л. И. Божович¹⁹³ и Е. П. Ильин. Последний считает, что «принять предмет-цель за мотив не представляется возможным» с соответствующей аргументацией.¹⁹⁴

Иногда встречается и неприемлемое определение сущности мотива. Так, по мнению И. С. Козаченко и О. С. Бурлевой, «сущность мотива заключается в том, что он всегда связан с конкретными побуждениями, вызвавшими у лица решимость совершить преступление».¹⁹⁵ Главный недостаток приведенного высказывания в том, что авторы выводят мотив за рамки побуждений, поскольку заявляют о связи мотива с побуждениями. В таком понимании сущности мотива находит завершение авторская концепция мотива как признака поведения,¹⁹⁶ что позволяет объективизировать мотив. Однако внятно определить и разграничить мотив и побуждение авторам так и не удалось. И они в этом не одиноки. Попытку разделения мотива и побуждения предпринял и Ж. Годфруа, который определил мотив как «соображение, по которому субъект должен действовать», а «побуждение является причиной действия или целью, ради которой оно было совершено».¹⁹⁷ Очевидно, автору не удалось четко определить мотив (слишком аморфно выглядит «соображение, по которому субъект должен действовать») и разграничить мотив и побуждение ему удастся лишь на фоне отождествления последнего с целью.

¹⁹⁰ Психологический словарь. М., 1983. С. 198; Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 6; и др.

¹⁹¹ Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 66; Русinov Г. Б. Понятие мотива преступления // Актуальные вопросы советского права. Казань, 1985. С. 94; и др.

¹⁹² Цит. по: Божович Л. И. Указ. соч. С. 153.

¹⁹³ Там же. С. 153–154.

¹⁹⁴ Ильин Е. П. Указ. соч. С. 56.

¹⁹⁵ Козаченко И. С., Бурлева О. С. Указ. соч. С. 14.

¹⁹⁶ Там же. С. 5.

¹⁹⁷ Годфруа Ж. Указ. соч. С. 264.

Об этом же пишут и многие иные психологи (например, Х. Хекхаузен, А. А. Файзуллаев).¹⁹⁸ Такая же попытка предпринята и В. И. Ковалевым, который пытается определить как побуждение нечто отдельное от мотива, регуляцию побуждением физиологических функций, например, дыхания.¹⁹⁹ Однако здесь нет побуждения к действию, человек не регулирует дыхание, как не регулирует работу мозга, сердца, желудка и т. д., все это происходит физиологично-автоматически, все это заложено природой как свойство существования. Как только речь заходит о *регуливании*, так сразу включается сознание, возникает нужда в каком-то результате, возникает побуждение к его достижению. Поэтому побуждение – всегда функция сознания, всегда мотив.

Скорее всего, признание мотива побуждением является более оправданным, поскольку подобное позволяет понять, в чем заключается самостоятельная роль мотива, его значение в психической деятельности. Однако более глубокое ознакомление с литературой ничего не оставляет от обособления мотива как самостоятельной психологической категории. Оказывается, что потребность становится одной из побудительных сил,²⁰⁰ некоторые прямо пишут, что есть потребности-мотивы,²⁰¹ что интерес является побудительной силой или мотивом,²⁰² что цель становится мотивом,²⁰³ что в роли мотивов могут выступать потребности и интересы, влечения и эмоции, установки и идеалы.²⁰⁴ Во всей этой ситуации вызывает удивление следующее: специалисты тратят много сил и энергии на терминологическую дифференциацию элементов психики, выделяя потребности, интересы, цели, мотивы и т. д., в результате же оказывается, что все это ни к чему, поскольку все указанные элементы суть мотивы; и указанная дифференциация лишь игра слов, ни к чему не ведущая и не обязывающая. Давайте тогда отбросим данную терминологическую «шелуху», забудем о потребностях, интересах, целях; оставим только мотивы. Не можем? Почему? Да только потому, что потребности, интересы, цели, мотивы – абсолютно самостоятельные психологические категории, сущностно и по значимости обособленные. Потребности, интересы, цели *не являются и не могут являться мотивами*, поскольку они являются потребностями, интересами, целями. Они же не могут *становиться* мотивами, поскольку термин «становление» означает превращение, преобразование одного явления в другое, тогда как ни потребности, ни интересы, ни цели не превращаются в мотив, каждая из этих категорий не перестает существовать с возникновением другой, они существуют наряду друг с другом (нужда остается нуждой даже при возникновении побуждения к действию).

При этом можно бы согласиться с тем, что, «рассматривая мотив преступления как побуждение, направленное на конкретный объект, не следует допускать и такую крайность, при которой в понятие мотива преступления включаются другие элементы механизма преступного поведения, в частности, цель и средства ее достижения».²⁰⁵ Однако авторы, высказав бесспорную позицию и в целом придерживаясь ее, тем не менее попытались найти компромисс с традиционным смешением психологических категорий: «Сами по себе потребности, интересы, чувства и другие элементы психологической жизни человека мотивами не являются **до тех**

¹⁹⁸ Ильин Е. П. Указ. соч. С. 56–58.

¹⁹⁹ Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М., 1988. С. 49.

²⁰⁰ Мясницев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960. С. 219; Шафиров В. М. Правовая активность советских граждан. Красноярск, 1982. С. 52; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1988. Т. 2. С. 108; и др.

²⁰¹ Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 48.

²⁰² Шаргородский М. Д. Преступность и ее предупреждение. Л., 1966. С. 132; Шафиров В. М. Указ. соч. С. 57; Козаченко И. С., Бурлева О. С. Указ. соч. С. 15; и др.

²⁰³ Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969. С. 13; Криминальная мотивация. М., 1986. С. 124; Психологические механизмы целеобразования. С. 9; и др.

²⁰⁴ Елисеев С. А. Понятие корыстного преступления // Правовые вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. Томск, 1989. С. 59; Божович Л. И. Избранные психологические труды. М., 1995. С. 35, 46; и др.

²⁰⁵ Криминальная мотивация. С. 13.

пор, пока они не приобретут значения побуждения к конкретному поступку»,²⁰⁶ т. е. авторы пытаются придумать побудительную силу потребностям, интересам и т. д., тогда как потребности, интересы, цели никогда не приобретают значения побуждения, они всегда существуют вне побуждения, равно как и побуждения всегда существуют помимо и наравне с ними.

С этих позиций мы полностью согласны с В. И. Ковалевым, который критически относится к отождествлению, приравниванию мотива к другим элементам мотивационной сферы и считает, что «подмена понятия “мотив” понятиями “установка”, “эмоция”, “цель” или прямое отнесение их к мотивации, наделение этих реальных функций мотива или трактовка их как его разновидности есть, по существу, отрицание самостоятельности последнего».²⁰⁷

Только указанный подход позволяет четко и недвусмысленно терминологически разграничить элементы психики и разобраться в механизме психической деятельности, в противном случае мы получаем терминологическую «кашу». Вполне понятно, почему теория традиционно все-таки смешивает анализируемые понятия. Во-первых, это делается потому, что потребностно-мотивационная сфера представляет собой ряд причинно-следственных связей: *потребность*

²⁰⁶ Там же. С. 12.

²⁰⁷ Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. М., 1988. С. 49.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.